

И.Е. Забелин

Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. (Третье издание с дополнениями), 1895

Глава III. Начальное учение

Структурированные фрагменты [\[19.234\]](#)

Начальное учение в царском быту	2
Выбор учителя для царских детей.....	4
Общий состав древней русской грамотности и первоначального обучения....	6
Характер древней педагогики	9
Розга и лоза едино	12
Устав учителем и ученикам.....	13
Загадки	14
Учителя. Первые шаги школяра.....	15
Церковное пение.....	22
Описание полного курса обучения.....	23
Стандарт учебного плана	23
Потешные книги	23
Арифметика (арифмословие), грамматика, география и проч.....	33
Царская библиотека	36
Опись книг царя Михаила Феодоровича	37
Опись книг царевича Алексея Михайловича	39
Книги печатные	40
Книги писменные	40
5 книг певчих.	42
Из Росписи казне Государя Царевича и Великого Князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии, которая была в хоромех	42
Словенских книг:	42
Книги в переплете в десть:	43
В полдесть:	45
В десять.	46

В полдесть:	48
Скорописная азбука (прописи)	51
Скорописная азбука XVII ст. (прописи), к сожалению не сохранившая своего начала	52
Пояснения редактора издания	53

* * *

Начальное учение в царском быту

Грамотность появилась в древней Руси вместе с водворением Христовой Веры. Очень естественно, что для новой, только что возникшей паствы прежде всего необходимы были наставники веры, священно- и церковнослужители, для высокого назначения которых грамотность представляла одно из необходимейших и важнейших условий.

Вот почему в то самое время, когда в Киеве всенародно было принято Христово учение, св. Владимир первую свою заботу устремил на приготовление, образование новых наставников и служителей веры. «Нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом. *Послав нача поимати у нарочитое чади дети, и даяти нача на ученье книжное*». [\[1\]](#)

Летописец не упоминает, кому были отданы эти дети в научение, но, по всему вероятно, учителями их были болгарские священники и отчасти, может быть, греки, знавшие славянский язык.

Само собою разумеется, что требования только что возникшей церкви определяли для зарождавшегося духовного *чина*, или сословия, и самый состав образования или, вернее сказать, грамотности. Для первых наставников из туземцев достаточно было и одного умения читать, после чего они прямо уже переходили к изучению церковной службы, как главной цели их назначения и вместе с тем образования. Таким образом, состав нашей древнейшей грамотности, по необходимости, ограничивался только книгами Св. писания и преимущественно церковнослужебными, потом духовными словами, то есть поучениями и некоторыми другими творениями отцов церкви. Одним словом, *книжное учение* означало учение книг церковнослужебных и вообще учение Священного писания. Этот церковнослужебный характер древнейшей нашей грамотности отразился яснее всего в самом составе первоначального обучения, именно в обучении чтению, где за *букварём* следовал *Часослов* и потом *Псалтирь* — венец древнего *словесного* учения и полного курса первоначальной науки. Без сомнения, начальное обучение в этом составе в первый раз введено ещё для детей, отданных на «учение книжное» св. Владимиром.

Упомянутые книги, вместе с тем, представляют одно из лучших доказательств, что древняя наша грамотность первоначально вызвана была единственно только одною потребностью в наставниках веры, или ещё ближе, в церковнослужителях. После букваря следовал Часослов — та именно книга, которая прежде всего требовалась для служителей церкви в её первоначальном распространении. Вечерня, Заутреня, Часы, Псалтирь, Апостол, ектинии — вот что необходимо было в то время для всякого вступавшего в духовный чин. Впоследствии этот состав обучения не изменился и не принял в себя никаких новых, а тем более посторонних предметов. Без сомнения, этому много способствовала, особенно в древнейшее время, постоянная нужда нашей церкви в грамотных служителях, нужда, которая, само собою разумеется, не могла благоприятствовать более полному развитию нашего древнего образования и оставляла его в тесных границах самых первых, необходимых своих требований. Яснее всего такое состояние нашего древнего книжного учения раскрывает послание новгородского архиепископа Геннадия к митрополиту Симону в начале XVII века, 1496–1504 года.^[2]

«Бил есми челом государю великому князю (пишет архиепископ), чтобы велел училища учинити; а ведь яз своему государю воспоминаю на его же честь, да и на спасение, а нам бы простор был: занеже ведь толко приведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одни октении учити, да поставив его, да отпущаю боржае, и научив как ему божественная служба совершати; ино им на меня ропту нет. А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дати чести, и он не умеет ни ступити; и яз ему велю Псалтырю дати, и он и по тому одва бредет; и яз его оторку (отреку), и они извет творят: *«земля, господине, такова, не можем добыти, кто бы горазд грамоте»*; ино ведь то всю землю изляял, что нет человека в земле кого бы избрати на *поповство*. Да мне бьют челом: «пожалуй де, господине, веди учити», и язь прикажу учити их октеньи, и он и к слову не может пристати, ты говоришь ему то, а он иное говорит; и яз велю им учити *азбуку*, и они поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотят ее учити. А иным ведь силы книжные не мощно достати, толко же *азбуку границу* и с *подтителными* словы выучит, и он силу познает в книгах велику; а они не хотят учиться азбуке, да хотя и учатся, а не от усердия; и он живет долго; да тем то на меня брань бывает от их нерадения; а моей силы нет, что ми их, не учив, ставити. А яз того для бью челом государю, чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословеньем, то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, государем нашим, а своим детям, великим князям, печаловался, чтоб велели училища учинити. А мой совет о том, что учити во училище *первое азбука граница* истолкована совсем, да и *подтителные* слова, да *псалтыря с следованием* на крепко. И коли то изучит, может после того проучивая и *конархати* и чести всякие книги. А се мужики невежи учят робят, да речь ему испортит; да первое изучит ему *вечерню* ино то *мастеру принести каша*, да гривна денег; а *заутреня* также, а и свыше того, а *часы*, то особно. Да те поминки, опроче *могорца*, что рядил от него. А от мастера отъидет, и он ничего не умеет, толко то бредет по книге, а

церковного постатия ничего не знает. Толко ж государь укажет псалтырю с следованием изучити да и все, что выше писано, да что от того, укажет имати, ино учащимся легко а сяк не смеют огуряться...» [3]

Из этого видно, что главная забота высшего духовенства состояла не в том, чтоб распространить, увеличить объем книжного обучения, а по возможности сохранить в должном порядке то, что уж существовало как необходимое. Вместе с тем это любопытное послание знакомит нас с составом первоначального обучения в начале XVII столетия и указывает на некоторые обычаи учебного круга, как например, принос *каши* и гривны [4] денег *мастеру*, то есть учителю, когда начинали учить Часовник, то есть *вечерню, заутреню, часы* и т. д. Весьма любопытно, что этот обычай сохранялся на юге России и до нашего времени. [5]

Впоследствии грамотность в этом первобытном составе от духовенства стала постепенно переходить в народ, в круг образования гражданского. И здесь она водворилась с тем же характером догматизма, непреложности, и как нечто неприкосновенное свято сохранялась в течение семи столетий и сохраняется даже теперь у большей части простого народа как самый обыкновенный домашний курс обучения. «Издревле Российским детоводцем и учителем обычай бе и есть, учити дети малые, в начале азбуце, потом часословцу и псалтири, таже писати, по сих же нецыи преподают и чтение Апостола (по этому порядку, как увидим, учился царь Алексей Михайлович). Возрастающих же препровождает ко чтению и священные библии, и бесед Евангельских и Апостольских и к рассуждению высокого во оных книгах лежащего разумения» (Предисловие к Грамматике, изданной в начале XVIII-го столетия. [6])

Само собою разумеется, что народ иначе и не мог принять грамотность, как в том именно составе, в каком она явилась у духовного *чина*. До того времени он не имел понятия не только о науке, но даже и о грамоте; эллинская, то есть древняя языческая наука не коснулась его девственной почвы, как то было, например, в других странах, на Западе и на Востоке и даже в самой Византии, а потому христианская грамотность и не встретила у нас ничего такого, что могло бы хоть сколько-нибудь изменить её первобытный образ. Здесь она и возникла из самых простых, первых потребностей церкви ради приготовления служителей церкви и была принята, то есть распространилась таким же простым естественным путём, единственно только под видом учения веры и церковной службы.

До преобразований Петра Великого эта грамотность, в своём неизменном первобытном составе, была распространена по всем сословиям; была общенародною и везде единообразною: дети первостепенного боярина обучались точно так же и по тем же самым книгам, как и дети простолюдина; то же самое, хотя и в большей полноте, встречаем и в царском быту.

Выбор учителя для царских детей

«А как царевич будет лет *пяти*, — говорит Котошихин, — и к нему приставят для бережения и научения боярина чеством великого, тиха и

разумна, а к нему придадут товарища околничего, или думного человека. Также из боярских детей выбирают в слуги и в столники таких же младых, что и царевич. А как приспееет время учить того царевича грамоте, и в учителя выбирают учительных людей, тихих и не бражников. А писать учить выбирают из посольских подьячих. А иным языком, латинскому, греческого, неметцкого, и никоторых, кроме русского научения, в Росийском Государстве не бывает».

Выбор учителей падал почти всегда на подьячих или дьяков;^[7] в то время они, конечно, были лучшими учителями чтения и лучшими каллиграфами. Так учителем царя Алексея Михайловича был дьяк Василий Прокофьев, а учителем Петра Великого — Никита Зотов; и тот и другой сначала были подьячими. Чистописанию учили обыкновенно подьячие Посольского приказа, в котором процветала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфия. Царя Алексея Михайловича учил писать подьячий Посольского приказа Григорий Львов, а царя Федора Алексеевича — подьячий же Панфил Тимофеев ^[8] (Дворц. Разр., т. III, с. 1045). В записках Крекшина о Петре Великом находим любопытные подробности о выборе в учителя Никиты Зотова; в них живо изобразилась наша давняя старина, ярко выступили отношения и значение мастера-учителя в нашей древней жизни. Мы передадим эти подробности словами Крекшина:

«Егда же великому государю царевичу Петру Алексеевичу приспе время книжного учения и писания, аще от рождения бысть *пятилетен*, но возрастом и остротою разума одарен был от Бога, тогда великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич вельми ^[9] любяше государя царевича Петра Алексеевича, и зрения ради его, часто приходя ко вдовствующей великой государыне Наталии Кирилловне и глаголя: «яко время приспе учения царевичу Петру Алексеевичу». Великая же государыня проси великого государя, чтоб сыскать учителя *кроткого, смиренного и ведущего божественное писание*. И бе тогда с великим государем у великой государыне боярин Федор Соковнин. Оный доносил их величеству, что имеется муж кроткий и смиренный, и всяких добродетелей исполнен, в грамоте и писании искусен, *из приказных* Никита Моисеев сын Зотов.

Тогда великий государь повеле оному Соковнину Зотова представить к их величеству. И реченный боярин Соковнин велел Зотову идти за собою. И приехав к дому царского величества, ввел Зотова в переднюю и велел ему ожидать; сам же поиде в внутреннии покои к великому государю и о Зотове донес.

Великий государь царь Феодор Алексеевич повелел одного Зотова к его величеству ввести. Слышав же царское повеление, един из домовых предстоящих людей, вышел в переднюю палату, спросил: «кто здесь Никита Зотов?» Зотов же о себе объявил. Пришедший сказал: «государь изволит тебя спрашивать; поиди вскоре». Зотов же, слышав, пришел в страх и беспмятство и не шел. Пришедший же взял Зотова за руку, увещевая не бояться, глаголя: «милости ради государь тя требует». Зотов же просил, чтоб дал малое время, доколе приидет в память. И мало постояв, сотвори крестное знамение, поиде во внутрь покоев к царскому

величеству. По пришествии же, великий государь Зотова пожаловал к руке. И повеле Зотову писать и по писании честь книги. И призвал Симеона Полоцкого, мужа премудрого в писании, живущего при великом государе, царе и великом князе Феодоре Алексеевиче, и повеле писание и чтение рассмотреть. Полоцкий, писание рассмотря и слушав чтение, великому государю объявил: «яко право того писание и глагол чтения».

Великий государь повеле оному же боярину Соковнину Зотова отвести к вдовствующей великой государыне, Наталии Кирилловне.^[10] По шествии в дом великой государыни царицы Наталии Кирилловны, паки боярин Соковнин повелел ожидать в передней палате. Боярин, вошед внутрь чертогов царских, донес великой государыне царице Наталии Кирилловне о Зотове. И о сем реченном слышав великая государыня, повеле Зотова пред себя ввести. Егда он вошел, тогда великая государыня изволила держать государя царевича ^[11] Петра Алексеевича за руку, а Зотову изволила говорить: «известна я о тебе, что ты жития благого, божественное писание знаешь; вручаю тебе единородного моего сына. Приими того и прилежи к научению божественной мудрости, и страху Божию, и благочинному житию и писанию».

Зотов же, егда слыша сие, весь облился слезами и паде к ногам великой государыни, трясая от страха и слез глаголя: «несмы достоин принять в хранилище мое толикое сокровище». Великая государыня повеле встать, рече: «приими от руки моею. Не отрицайся прияти. О добродетели бо и смирении твоём аз известна». Зотов же не возста, лежа у ног, помышляя свое убожество. Великая государыня возстати повеле, и пожаловала Зотова к руке и повеле Зотову быть наутрие для учения государя царевича Петра Алексеевича.

Наутрие Зотов прииде в дом царский к великой государыне, царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Тогда же изволил прибыть и великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, прииде же и святейший патриарх. Сотворя обычное моление, окропя блаженного отрока святою водою, и благословив, вручи Зотову. Зотов же прияв государя царевича, посадя на место, сотворя государю царевичу земное поклонение, нача учение».^[12]

Общий состав древней русской грамотности и первоначального обучения

Ученье началось, разумеется, с азбуки, которые до XVII столетия были рукописные. К сожалению, мы ничего не знаем о составе этих древнейших азбук, потому что ни одной из них до сих пор не удалось нам видеть. Сохранившиеся во множестве азбуки каллиграфические, или собственно прописи, без сомнения, во всем отличались от букварей; не знаем также положительно, в какое именно время в XVII ст. появились у нас азбуки или буквари печатные. До сих пор самую первую по времени издания может считаться азбука, изданная в 1634 году Василием Бурцовым и переделанная им, может быть, из грамматики, или

собственно азбуки, изданной в Вильно в 1621 году.^[13] Год издания этого букваря совпадает с тем временем, в которое царевич Алексей Михайлович, достигнув пятилетнего возраста, начал учиться грамоте; можно с большой вероятностью предполагать, что первоначальное обучение царевича было одною из побудительных причин к изданию этого букваря.^[14] Он напечатан в малую восьмушку малой детской книжкой, крупным чётким шрифтом в одиннадцать строк на странице. Известно также, что годом раньше дедушка царевича, патриарх Филарет Никитич, благословил его в 1633 году, вероятно при самом начале учения, «азбукою, *большая печать*, на столбце — указ, сверху речь золочена».^[15] Судя по выражению *на столбце*, можно думать, что эта азбука была напечатана на одном листке, столбцом, и содержала в себе только буквы и склады. Другое известие 1642 года указывает на подобную же или на ту самую азбуку *большой печати*, которая была не на столбце, а книгою, потому что её в это время переплетали.^[16]

Как бы то ни было, все это ещё библиографический вопрос, и мы пока должны остановиться на азбуке Бурцова, как более известной. Здесь мы рассмотрим второе её издание, вышедшее в 1637 году.

В предисловии эта азбука названа *Лествицею* к изучению *Часовника*, *Псалтири* и прочих божественных книг. В ней, между прочим, говорится, что

«Русстии сынове младые дети, первые починают учитися по сей составней словеньстей азбуце, по ряду, словам, и потом узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учить *часовник* и *псалтирю* и прочая книги. И прежде тии самии младые дети младенцы быша и от матерень сосец млеко ссаху и питахуся. По возвращении же телеси к твердей и дебелей пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и ныне начинающе учитися грамоте, первее простым словесем и слогам учатся, потом же яко же и выше рехом яко по лествице к прежереченным тем книгам и к прочим божественным догматам касаются на учение и на чтение простираются».

Самый состав этой азбуки вполне соответствует религиозному направлению древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавие собственно к азбуке, то есть пред началом букв, выражено здесь в следующих весьма знаменательных словах: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания». Не ясно ли отсюда, что русский человек до Петра Великого признавал грамотность только в той мере, в какой она могла служить средством к достижению главной цели тогдашнего образования, то есть к изучению веры и книг Св. писания?

Предисловие азбуки заключается стихотворным обращением к детям: Вы же младые отрочата слышите и разумеите и зрите сего:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам младым детям к научению.
Ты же благоумное отроча сему внимай

И от нижней степени на вышнюю восступай,
И не леностне и не нерадиве учися
И дидаסקала (учителя) своего всегда блюдися...[\[17\]](#)

После разных учительных наставлений, стихотворение снова обращается к детям и говорит:

Первие начинается вам от дидаסקала сей зримый аз,
Потом и на прочая пойдет вам указ.

Следует заглавие: Начальное учение человеком хотящим разумети Божественного Писания. За молитв Пречистые ти Матере и всех Святых Твоих Господи Исусе Христе Сыне Божий помилуй нас. Аминь.

Затем следуют буквы по единицам, т. е. отдельно каждая, а за ними склады двосложные, тресложные и четверосложные: ба, ва, га, да; бла, вла, гла, дла; бру, вру, гру, дру и т. п.

Потом читаются самые названия букв, славянские цифры — числа до 10 000, знаки надстрочные и знаки препинания также с их названиями; далее расположены по алфавиту образцы изменения глаголов, глаголы и имена, сходные по начертанию, но различные по смыслу, который получают они от ударения; склонения имён, преимущественно тех, которые в церковном языке пишутся под титлами. Все это составляет значительную часть букваря и вполне соответствует тому требованию, какое представлял ещё в начале XVI столетия архиепископ Геннадий, говоря, чтоб азбука была истолкована совсем, да и подтительные слова (см. выше, с. 620). Потом следует азбука толковая, то есть изречения, относящиеся к учению и жизни Христа Спасителя, расположенные в алфавите по своим начальным буквам. Так, например, буква а начинается текстом «аз есмь всему миру свет» и проч.

После толковой азбуки помещены заповеди и другие статьи, составляющие краткое катехизическое учение о вере, за которыми следуют выписки из Св. писания, притчи и наставление Товии своему сыну. Азбука оканчивается сказанием, «како св. Кирилл философ состави азбуку», и послесловием, где означено и время издания азбуки, которое приводит читателя в недоумение следующими речами: «Начаты быша печатати(ся) сия книги азбуки в царствующем граде Москве в лета 7145-го месяца генваря в 29 день... Совершены же быша сия книги азбуки того же 145-го лета месяца февраля в 8 день...» Книжка, содержащая в себе 106 [\[18\]](#) страничных листков, стало быть, была напечатана в течение десяти дней. Вероятно ли это?

По времени букварь Вас. Фед. Бурцова перепечатывался не один раз с устранением его имени и времени первоначальных его изданий. Таким способом он перепечатан в 1781 году в Супрясльской типографии.

Другая редакция азбуки, напечатанной в 1679 году в Верхней, то есть Дворцовой типографии, имеет многие отличия от этой, первой. Вначале, после так называемого *выхода*, то есть обозначения времени издания книги и после стихотворного предисловия, в ней находятся «благословения отроков во училище учиться священным писаниям идущим», то есть молитвы, которые давались иереем при начале учения и после которых, по выражению букваря, «отходит с миром отроchia во училище; иерей же во своя си».

Потом, после букв, складов и имён под титлами в алфавите: ангел, ангельский, архангел, архангельский и т. д. следуют опять молитвы: Царю небесный, Отче наш, псалом: Помилуй мя Боже, Слава в вышних Богу, Символ Веры и проч. Далее «Беседа о православней вере, краткими вопросы и ответы удобнейшего ради познания, детям христианским: странный вопрошает, православный же отвечает»; десять заповедей и прочие катехизические статьи, о которых мы упоминали выше.

Молитвы: от сна востав, утренняя, пред обедом, по обеде, пред вечереею, по вечера и на ночь. Далее знаки ударения и препинания, опять молитва 2 ко Пресвятой Богородице, [19](#) числа, и наконец *приветства* к родителю и к благодетелю на Рождество Христово, Богоявление, Воскресение, Сошествие св. Духа и на новое лето. Приветства эти, однако ж, не столько любопытны, как бы следовало ожидать: все они заключаются в одних только риторических фразах. Букварь оканчивается *увещанием* в стихах о пользе наказания.

Кроме того, при этой редакции букваря находится *Измарагд*, или *Стоглав* о вере св. Геннадия, патриарха константинопольского, состоящий из ста параграфов катехизического содержания и Тестамент, или Завет Василия царя греческого к сыну его Льву Философу, со стихотворным *увещанием к читателю* и с послесловием, под заглавием «Типографом избранное». В этом послесловии, кроме исторических сведений о царе Василии, обозначено и содержание его *Завета*, который «воистинну достоин всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту ко управлению жития своего, и чад своих, вящше же страстей своих». Две эти статьи, Стоглав и Тестамент, составляют как бы особые книжки, каждая с особою цифрацией страниц; Тестамент же имеет свой особенный *выход*, из которого видно, что он издан месяцем позже букваря, именно в январе 1680 года; букварь же издан в декабре 1679 года. Но, судя по внешним признакам, по шрифту, бумаге и проч., обе эти статьи, без сомнения, принадлежат к описанному нами букварю. [20](#)

Таков состав наших древних печатных букварей.

Характер древней педагогики

Характер древней педагогики был таков, что нельзя было выучиться читать, не выучив вместе с тем наизусть и всего содержания азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повторение *задов*, без твёрдого знания которых нельзя было и заглянуть вперёд в новую страницу. Ученье происходило

обыкновенно вслух и нараспев,^[21] как следовало читать во время церковной службы, что также может свидетельствовать, что первоначальной целью книжного учения было собственно приготовление церковнослужителей.^[22] Заучиванием наизусть молитв и службы, даже без знания азбуки, — готовились попы и все церковнослужители. Письмо Геннадия это доказывает.^[23] Да и вообще и в самом гражданском быту церковные книги в то время иначе и не читались, как нараспев, с соблюдением всех особенных тонических ударений. В древних рукописных Псалтырях встречается даже особенный указ, или правило, как читать Псалтырь.

«Зри, внимай, — говорится в этом указе, — разумеи, рассмотри, памятью как псалтырь говорити. Первое: что говорити; второе, всяко слово договаривати; третье, на строках ставитися; четвертое, умом разумети словеса, что говорити; пятое, пословицы знати да и памятовати, как которое слово говорити: сверху слово ударити голосом, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духом: ясно, чисто, звонко; кончати духом, потому ж, слово чисто, звонко, равным голосом, ни высоко, ни ниско, ни слабети словом, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крепко по три или по четыре строки духом; а равно строкою говорити. А весь сей указ умом, да языком, да гласом сдержитися и красится во всяком человеце и во всяких пословицах книжных. А ум и глас и язык требует помощи сея молитвы, воздержания и чистоты».^[24]

Тот же характер преподавания с твёрдым заучиваньем наизусть переходил с азбуки на Часовник и потом на Псалтырь. Дети обыкновенно так выучивали эти книги, что могли свободно читать их наизусть. По свидетельству Крекшина, Пётр Великий «книжное учение толико имея в твёрдости, что все Евангелие и Апостол наизусть мог прочитати».^[25]

При таком характере древней педагогики, без сомнения, выучиться грамоте было не совсем легко: это был такой сухой и тяжёлый труд, о котором в настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятие. Старинная грамота являлась детям не снисходительною и любящею нянею, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидаскалом, с книгою и указкою в одной руке и с розгою в другой.^[26]

В старинной педагогике наказание вообще признавали неразлучным спутником науки. Азбука Бурцова начинается даже изображением «Училища», где один из учеников стоит на коленях пред строгим дидаскалом, который готовится наказать его розгою. Азбука 1679 года заключается увещанием вообще о пользе наказания в отроческих летах. Мы приводим здесь это любопытное увещание вполне, как образец древнего стихосложения и поучения.

Хощеши чадо благ разум стяжати
Тщися во трудах выну пребывати.
Временем раны нужда есть терпети
Ибо тех кроме бесчинуют дети.

Розги малому, бича большим требе,
А жезл подрастшим при нескудном хлебе.
Та орудия глупых исправляют,
Плоти целости ничтоже вреждают.
Розга ум острит, память возбуждает
И волю злую в благу прелагает.
Учить Господу Богу ся молити
И рано в церковь на службы ходити.
Бичь возбраняет скверно глаголати
И дел лукавых юным содевати.
Жезл ленивые к делу понуждает
Рождших слушати во всем поучает.
А злобы творцы страхом си спасает,
Егда болезнми душу пронизает.
Не вредит костей, телу болезнь родит,
Но злые нравы от юных отводит.
Душу от огня вечно сохраняет,
В небесную же радость водворяет.
Ты убо отче, такожде и мати
Научитесь чада поучати!
Аще хочете утеху имети
А не срам за ня, в старости терпети.
Не на плотскую красоту чад зрите,
Но души красны да будут, смотрите.
Красота плоти многих погубляет,
А язва тоя [\[27\]](#) душу удобряет.
Лепота души велми есть спасенна
Создавшему ю Богу возлюбленна:
Ту же обычно учение вводит,
А умный детищ в чести мнозей ходит.
Вы же, о чада! труд честный любите,
Еже полезно того [\[28\]](#) ся держите,
Знающе, яко аще ся трудити
Тяжко, но легко труды плодов жати.
И раны, яже добро содевают,
Вам не мерзостны в детстве да бывают.
Целуйте розгу, бичь и жезл лобзайте,
Та суть безвинна, тех не проклиняйте:

И рук, яже вам язвы налагают,
Ибо не зла вам, но добра желают.
Делеса злая весьма отревайте,
Ко добрым сердца ваша прилагайте.
Сие же слово за дар благ возьмите,
Не злословьте ми, но благословите:
Иже вам благих всяческих желаю,
Конча, к благодати всяцей увещаю.[\[29\]](#)

Эти поучительные вирши в полнейшей мере выражают всеобщее убеждение тогдашнего века, идущее ещё от библейских начал, нисколько не смягчённое Евангелием, что «Жезл вообще есть злобы искоренитель и насадитель добродетели», почему и в педагогике он являлся главнейшим руководителем воспитания детей, как и взрослых, в быту народа.[\[30\]](#)

Само собою разумеется, что в царском быту такая увещательная розга едва ли когда появлялась в комнатах ребёнка, хотя нельзя отрицать может быть очень редких случаев если не употребления розги, то назидательного вселения грозящего страха перед ней.

Розга и лоза едино

Лозю Дух Святой дети бити велит:
понеже бо нимало здравия вредит:
Лозю убо разум детям во главу прогоняет
родителем дети послушны устроает:
Лоза́ Божественного писания учит
и всякого нечестия отлучит:
Лоза́ аще биет (детища), не сломит кости
и отставляет его от всякие злости:
Лозю аще отроча часто биет:
от греха душу его избавляет:
Лоза́ учит делати пр[и]сно ради хлеба
и ведет правым путем до неба
Лоза́ всяким добротам научает
и злых во благие претворяет:
Лозю аще матери детища не биете,
удаву скоро ему на выю увиет:
— Вразуми о Боже матери и учителя.
лозою малых детей быти ранители:

- Благослови убо Боже лета оная
юже лозы родят на времена долгая:
- Малым лозá ко воумлению:
Старым жезл к подкреплению:
- [—] Млад убо без лозы не можется воумити
старый же не может без жезла ходити:
аще без лозы измлада возрастется
старости не достиг (безвременно) кончится: [\[163\]](#)

Устав учителем и ученикам

Учителем свойственны есть кротким и смиренным и быти и в законах гсдних всегда непорочно ходити. Учител житием своим аще не порочен. Учай же ся отнего не будеть на злое точен.

Учител добродетелным путем ведется.

Ктаковому иченик безопасности [приведется].

Учитель аще благая дела отнего творятся.

Такового ученицы крепце тержатся.

Учител аще сицевое житие себе не уставит.

Лучши таковому учителкя [sic] имя оставит.

Учител житием неискусен.

И учеником таковы гнусен.

Учителю не впищах и вписцах пребывати.

Но паче заповеди Господни соблюдатьи.

Учител впищах и питьях любострасны

Таковый на срение лиц бестрасный.

Учитель должен учеников назирати.

И отзлых дел крепце велми соблюдатьи.

Учитель чистоту учеников должен прилежно хранити

И тем их достойных служ[e]нием Богу творити

Учитель чистоты крепкий хранитель.

Кцарствию небесному бодры преводитель

Учитель вину вних прилежно сам доизыщет

Грех же ученичь на небрежливом учителе Бог взыщет

Загадки

Василий рече: Кто есть внук рече бабе положи мя у себе и рече ему баба како ты положу а ты мне отец. ^[194]

Иоан рече: Баба земля а внук Христос.

Вопрос. Григорий. На чем земля основана есть.

Ответ. Василий. На трех китах великих да на четырех малых.

Вопрос. Иоан. Отчего те китове сыты бывают.

Ответ. Василий. Емлют десятую часть раиского благоухания оттово китове сыти бывают.

Вопрос. Что есть яко роса аермонская сходящая на горы сионские.

Ответ. Роса есть дух святой аермон чистота телесная а гора церковь, а сходящее, вера любовь и мир.

Вопрос. Которые две твари созда Бог после сотворения неба и земли.

Ответ. Явися Бог втроицы Аврааму, и закла Авраам телец на пищу и открове телчи взлетеша птицы пчелы белы яко снег, вторую тварь вкочезе пригнул зверь лев, и абие исправые ноздри выскочив пес а злевые кошка, третье, по потопе знамение положи Бог на небеси, духу еже второму потопу не быти.

Вопрос. Что есть правда и что истинна.

Ответ. Правда Христос а истинна Богородица, сниде бо правда снебесе и облечеса во истинну сиречь Христос облечеса во плоть.

Вопрос. Что есть прилучися двема человеком прикоснутися свыше царствия небесного.

Ответ. Иосиф сникодимом прикоснувыиися телу Христову.

Вопрос. Что есть мера отвостока до запада.

Ответ. Солнце и луна звезды.

Вопрос. Что есть восмая тысяща настанет а конца не будет.

Ответ. Осмый собор соберется всякая душа станет пред-Богом а конца не будет.

Вопрос. Что есть конь ходит а о траву грызет двема головами.

Ответ. Судия мздоимец собоих стран посулы берет.

Вопрос. Что есть живыи мертвого бияше мертвыи же вопияше и на глас его стекашеса множество народа.

Ответ. Живыи то есть звонарь а мертвыи то есть колокол егда зазвонит тогда люди приходят вцерковь Божию на молитву.

Вопрос. Что есть муж етер имея у себя жену чисту а у той жены двадесять дев чистых у тех дев сто пятьдесят служащих.

Ответ. Муж есть царь Давыдов а жена псалтырь а девы кафизмы а служащие псалмы.

Вопрос. Что есть отрок рече девица девица дай мне свое а я вложу свое втвое когда мне надобно будет и я возьму свое а твое отдам тебе.

Ответ. Отрок есть Христос а девица земля и проси Господь перси отземли, и сотвори Адама и вложи душу а егда же прииде кончина человеку тогда возмет Господь душу а тело земли предаст якоже рече земля еси возьму паки поидеши.

Вопрос. Что есть птица с воробя а мяса с яловицу.

Ответ. Во азбуки слов не много а складов премножество много.

Вопрос. Что есть четыре орлы едино яйцо снесли.

Ответ. Четыре орлы едино яйцо снесли то есть четыре евангелисты написали святое евангелие.

Вопрос. Что есть, 12 кузнецов в 12 молотцов на едином наковалню куют.

Ответ. Наковалня слово Божие а кузнецы дванадесять апостолов рассевают на четыре страны слово Божие по всей вселенней и во второе Христово пришествие поставятся престолы тогда и они на двюнадесять престолов сядут судяще обеманадесять коленома Израилевома.

Вопрос. Что есть вол корову роди и отрождения своево изгнание ему есть.

Ответ. Адам Еву роди преступлением же ее изгнан бысть израя.

Вопрос. Что есть роди мя отец аз же родих себе жену жена же моя родиша отцу моему матерь.

Ответ. Отец есть Христос созда Адама и отребра его роди жену ему Еву, а Ева же родиша ему дети а дети его родиша святую Богородицу матерь Христа Бога.

Вопрос. Кои души две прежде Адама сотворены и како им имя и когда им откровение будет.

Ответ. Прежде Адама сотвори Бог две души единой имя Енох а втори Алнафам и повеле Еноху Господь землю владеть Алнафаму морем, и по сих сотвори Адама и уготова ему раи.

Учителя. Первые шаги школяра

Соберём здесь случайные отрывочные сведения, в каком возрасте и в каком составе и порядке происходило начальное обучение малолетних царевичей и царевен.

Учителем царевича Алексея Мих. был подьячий, потом дьяк Василий Прокофьев, который 1635 г. сентября 6 получил пару соболей в 8 р. за то, что начал царевич учить *Часовник*. Царевичу в это время было шесть с половиною лет. Пожалование соболями указывает, с одной стороны, начало учению Часовника, и с другой — окончание учения азбуки, так что эта награда получена собственно за азбуку, так как следующая награда 21 февр. того же года, 10 арш. атласу червчатого

и пара соболей, получена учителем с небольшим через пять месяцев за то, что почал учить царевичу Псалтырь, и следовательно, ещё и за то, что окончил учение по Часовнику.

Далее мая 28 с небольшим через три месяца учитель получил 10 арш. камки червчатой за то, что царевич начал учить Апостольское Деяние, а следовательно, и за то, что окончил учение по Псалтырю. Все это обозначает, что царевич очень хорошо и скоро усвоил себе способы чтения упомянутых книг, то есть выучился отлично читать книги.

Выше упомянуто, что царевич приступил к учению (чтения) по Часовнику шести с половиною лет, окончив в это время азбуку. Но когда начиналось учение с азбуки? На основании не совсем определенного свидетельства Котошихина возможно заключить, что это учение начиналось с пятилетнего возраста. Не должно полагать, что изучение азбуки, то есть самых способов чтения проходило так же скоро, как совсем уже усвоенное беспрепятственное чтение Часовника, Псалтыря и других книг. Древняя азбука в то время долбилась в течение долгого времени. Её осиливали с великим трудом и для малюток это занятие могло продолжаться целый год, если при этом устанавливалось (как могло быть в царском быту) и бережение ребёнка от излишнего утомления.

Царевич Алексей Мих. познакомился с азбукою, когда ему было пять лет и два месяца. 1634 г. мая 11 опекун царевича боярин Б. И. Морозов взял в Царицыну Мастерскую палату ползолотника шёлку рудожелтого, который был выдан к царевичевым к азбуке и к Часовнику ко влагалищам (футлярам). Тогда же мая 25 выдано Печатного двора переплётчику к азбуке царевича на приклад на золото и на клей 10 денег, а 12 июня к азбуке, к застёжкам на кисти золотник шолку шемаханского. Среди хлопот об азбуке мая 15 к царевичевой *потешной качалке* на обшивку выдан бархат червчатый.^[31]

Азбука появлялась, конечно, не точь-в-точь день в день в пятилетний возраст, а раньше или позже, но во всяком случае этот возраст, по-видимому, был определенным временем для начала учения, как указывают свидетельства Котошихина и Крекшина.

Дед царевича Алексея Мих., патриарх Филарет Никитич еще в 1633 г., когда царевичу было всего четыре года, благословил внука азбукою «большая печать, у азбуки на столбце указ, сверху речь золочена» [см. выше, с. 624].

Существует указание (Шмурло, 425),^[32] что царевич нуждался в азбуке даже и в то время, когда ему было 13 лет, указание, основанное на том обстоятельстве, что в 1642 г. переплётчик переплетал ему азбуку. Действительно в этом году, 31 марта, Печатного двора переплётчик Иван Федоров переплетал царевичу азбуку *большой печати* золотом прописывана, причём упомянуто, что и другие книги ему переплетает (№ 914).^[33]

Мы полагаем, что это было только возобновление дедовской азбуки *большая печать*, потребовавшей нового переплета и новой позолоты для сохранения книги, как дара от почитаемого дедушки, если не догадываться, что азбука

назначалась в дар от царевича его сестре Татьяне Мих., возраст которой в это время подошел к началу учения.

И у царевича Ивана Мих. азбука появилась, когда ему исполнилось пять лет и невступно 4 месяца, 1638 г. сент. 28. В это число на подкладку к его азбуке употреблен был аршин тафты кармазину (№ 965).^[34] Он умер пяти лет и 7 месяцев. В его книгах находились две азбуки: азбука учебная в полдесть, слова прописываны золотные, оболочена кожей и азбука литовская печать в восмушку.^[35]

Из этих свидетельств вполне становится ясным, что царевичи приступили к азбуке в возраст пяти лет или около этого возраста, то есть по шестому году.

Учителем царевича Федора Алекс. был Афанасий Федосеев, из какого чина неизвестно. В 1667 г. мая 3, когда царевичу исполнялось шесть лет (род. 1661 г. июня 8), учитель получил сорок соболей в 50 р. да камки вишневой травной 10 аршин. Можно предполагать, что это была награда при самом начале учения или же за успешное преподавание азбуки и начального чтения, что вероятнее. В 1669 г. июля 1 он снова получил сорок соболей в 50 р. и 10 аршин камки таусинной хрущатой травы куфтерные. Опять можно предполагать, что награда шла за успехи в обучении Часовнику и Псалтырю. В сентябре 21 числа на царевичеву псалтырь сделали чехол из сукна зеленого кармазину (№ 1183).

Начальное обучение царевен велось в том же порядке и в таком же объеме, но только с тою разницею, что их обучали женщины, *учительницы-мастерицы*, как их именовали по примеру учителей мужчин, прозывавшихся также *мастерами*. Учительницы состояли в дворovém штате царицы и получали в год по окладу жалованья по восьми рублей и кормовых по шести денег на день.

Царевны, по-видимому, начинали учиться грамоте с шестилетнего возраста, и притом неотменно с пророка Наума ^[36] первого декабря. Так, царевна Анна Мих. «села грамоте учиться» 1 декабря 1636 г., когда ей было шесть лет 4 ½ месяца. Государь по этому случаю пожаловал дочери своей портище богатого атласа (№ 676). Около того же возраста начала учиться грамоте и царевна Татьяна Мих. Ее учительницею с названием *мастерица* была вдова Марья, которая 22 ноября 1642 г., когда царевне исполнилось 6 лет и 10 месяцев, получила от царицы полку убрусную, т. е. так называемый убрус, или полотно для покрытия головы. Можно полагать, что это пожалование дано было уже за некоторые успехи в обучении царевны. 1643 г. февр. 2 она получила от царицы полотно тройное, также вероятно за успехи в учении (№ 789). Июня 19 того же года накануне пророка Наума ^[37] царевна в соборе Рождества Богородицы на Сенях царицы служила молебен «в ту пору, как ей государыне 7 лет 5 месяцев начали учить *заутреню*, т. е. часовник, за что протопопу с братиею на молебен дана полтина» (№ 779). Потом, 23 августа того же года, мастерица Марья снова получила от царицы полотно тройное (№ 789). Царевна Ирина Мих. начала учить часы в 1634 г., когда ей было уже семь лет.

Дальнейший ход обучения виден из случайных записей по обучению царевны Ирины Мих. В 1636 г., когда царевне было уже девять лет, тоже декабря 1 ей было

скроено на *псалтырь* влагалище (футляр) в сукне багреце червчатом (№ 774). На другой год (1637) такое же влагалище было скроено на *Апостол* царевны 30 сентября (№ 770). Следовательно, к учению по Апостолу приступали уже по одиннадцатому году.

В казне царевны по переписи 1649 г. хранились ее три псалтыря и часовник, в том числе «две псалтыри в полдсть оболочены сафьяном, одна переплетена на двое да у них же спица серебряная — указка» (№ 669).

В конце XVII ст. (1675—1691 гг.) в штате царицы *учительницами* состояли Варвара Льгова и Федора Петрово, вдова Тимофея Волкова, которая учила и царевну Наталью Алексеевну. 1683 г. марта 25, между прочим, ей было назначено хлебное жалованье, ржи и овса по 10 четвертей на год. [\[38\]](#)

В то время, когда проходили этот курс *словесного учения*, дети, обыкновенно лет семи или восьми, садились учиться писать. *Скорописные азбуки*, которые служили в этом случае руководством, были писаны всегда *столбцом*, свитком из нескольких склеенных листков. В состав их входили сначала прописные и строчные буквы, выписанные с особенным тщанием и искусством, с разными вычурными украшениями; каждая буква, для обозначения различных почерков, писалась во множестве образцов, начиная с самых больших и оканчивая самыми малыми. Каждый ряд букв начинался вычурною и нередко весьма красивою *заставкою*, то есть большою прописною буквою, в которой травы и узоры переметались с изображениями птиц и зверей. В некоторых азбуках помещалась также *азбука толковая*, то есть разные изречения и апофегмы, расположенные в алфавите по начальным буквам, но содержанием своим эта азбука совершенно отличается от толковой азбуки, находящейся в букваре Василья Бурцова, в которой, как мы сказали уж, все изречения относятся только к учению и жизни Спасителя. Здесь же эти апофегмы касаются вообще нравоучения. Так, например, под буквою *ж* читаем: «Желаем христиане спастися, желаем и неправду делать»; под буквою *ф* — «Фараоновых творений не чини, и других на то не учи», под буквою *х* — «Храни свещу твою от ветру, сиречь душу от лениности», под буквою *ш* — «Отврати лице твое от жены чужой и много с нею не беседуй»; под буквою *ш* — «Шатания и плясания диавольского удаляйся; плясание бо уподобися смертному убивству»; под буквою *кси* — «Ксанф и Филосов был, а у раба своего Есопа в посрамлении много находился» и пр.

После букв следовали *прописи и склады*; под этим заглавием помещены [\[39\]](#) также некоторые апофегмы и даже *загадки*, собственно *книжные*.

Статья эта начиналась всегда следующей молитвою: «За молитв святых отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас, аминь. За молитв Пречистыя Твоя Матери и всех святых Твоих Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас, аминь. По милости Божией и великих святителей Петра и Алексея и Ионы и Филиппа киевских и московских и всея русии чудотворцев».

Потом следовали прописи и склады, изречения и загадки, то именно, что мы теперь называем вообще *прописями*.

1. Не ищи человеке мудрости, ищи прежде кротости; аще обрящеш кротость, тогда познаеш и мудрость.
2. Не тот милостив, кто всегда милостыню творит; тот милостив, кто никого не обидит и зла за зло никому не воздает.
3. Стоит море на пяти столпах. Царь речет потеха моя, а царица речет погибель моя. Царь есть тело, а царица — душа.
4. Стоит град пуст, а около его куст. Идет старец, несет ставец, а в ставце взварец, в взварце перец, в перце горечь, в горечи сладость, в сладости радость, в радости смерть.
5. Стоит град на пути, а пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту написанную, а дает читать неученому.
6. Стоит человек в воде по горло, пить просить, а напиток не может. [\[40\]](#)
7. Когда синица орла одолеет, тогда безумнии ума научатся.
8. Аще кто хоцет много знати, тому подобает мало спати, а *мастеру* угождати.
9. Человеке Божий бойся Бога, стоит смерть у порога, труба и коса ждет смертного часа, zde колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать.
10. Виноград зелен несладок, млад человек умом некрепок.
11. Кто тя может убежати, смертный час.
12. Якоже мертвый не может на коне храбровати, тако и клеветник не может зла слова во устах своих удержати.
13. Бодро мудрый муж, аще и в беды некие впадет, то и худым покоряется дондеже желание свое исполнит.
14. Человек мудр, а не книжен, аки птица без крыл, не может мудра и тверда разума имети.
15. Человеке пред множеством народа не буди на слова скор да не исторгнеш делo свое все и после не вступжиши.
16. Аще кто не упивается вином, тот бывает крепок умом.
17. Умного учить, аки кладез копать, потом из него источники бывают; а безумного учить, аки в мех воду лить, в конец льешь, а другим и вышло.
18. Замок воден, ключ древян, зайцы перебегли, а ловец утопе.
19. Не тот пьян, кто всегда пиет пиво и мед и вино; тот пьян, кто всегда блуд творит.
20. Царь Соломон рече: Добро убо есть человеку пити вода да не мутит у человека ума.
21. Единого искахом, а три обретохом, обретохом же и не познахом, но показа нам мертвая девица (св. Крест, найденный царицею Еленою, на котором воскресла девица).
22. Роди мя отец, аз родих жену, жена же моя роди детей, дети же мои родиша отцу моему матерь.
23. Твой отец — мой отец, тебе дед, а мне муж, ты же мне брат, аз тебе мать, в седмый день скончаемся (Неделя).

24. Бывает в пирах и в беседах глупые люди,[\[41\]](#) хотя и впереди сидят и тут их обносят, а разумного и в углу видят и находят.

25. Иоанн Златоуст речет (Соломон рече): добро убо есть человеку пити вино да веселить в человеце сердце и простирает язык на многое глаголение.

26. Стоит древо, имеет на себе красные цветы; а под дровом корыто, а на древе сидит птица и щиплет со древа красные цветы и мечет в корыто; цветы со древа не умалются, а корыто цветов не наполнится. Древо глаголется свет мира сего, а ветвие — родове, а цветы — человецы, а корыто — земля, а птица — смерть...

Впоследствии, кроме этих *прописей*, в азбучках стали помещать апокрифическую «беседу триех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого» в вопросах и ответах, и особую статью «каким образом писать к кому писма», содержащую, впрочем, одни только титулы писем к патриарху, к митрополиту, к боярину, к отцу родному и пр.; но в одной скорописи мы нашли и форму письма, которая служит образцом старинных наших писем. Скоропись эту мы вполне помещаем в Материалах III, 8.[\[42\]](#)

Вообще нужно заметить, что состав древних *скорописей*, или *прописей*, был весьма разнообразен и вполне зависел от усмотрения своего составителя; что ему было любо, то самое он и вносил в свою азбуку-пропись; общие черты этого состава мы привели выше, но в подробностях каждая азбучка имела свои особенности; так, например, в иных *азы* писаны отдельно от прописей, как мы уже сказали, а в иных под каждую буквою помещалась и пропись, начинающаяся с этой буквы. В этом отношении весьма любопытна азбучка, в которой каллиграф, вместо общеупотребительных, сам сочинил прописи, наполнив их рассуждениями о самом же себе.[\[43\]](#)

В таком или подобном этому составе скорописные азбуки служили общим и единственным руководством в обучении писать, не только в XVII столетии, но даже и после преобразования, особенно в первой половине XVIII столетия. С этого времени к ним стали присовокуплять еще *арифметичное учение*, то есть таблицу умножения и четыре правила арифметики, в некоторых встречаются, кроме того, немецкие вокабулы, писанные русскими буквами, например: Бог — Гот, Бог-отец — Гот фатер и т. д. Азбуки эти сохраняются даже до сего времени в лубочном издании, но в сокращенном и измененном виде.

Были, впрочем, скорописные азбуки и других составов. Таков, например, «Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же, латинских и польских, со образованми вещей и со нравоучительными стихами» [\[44\]](#) — сочиненный в 7199 (1691) году [\[45\]](#) иеромонахом и царской типографии справщиком (корректором) Карионом Истоминым и посвященный царице Наталии Кирилловне для научения внука ее царевича Алексея Петровича.[\[46\]](#) В 1693 году Карион сию книжицу устроил *второе*, то есть написал второй экземпляр и поднес царице Парасковии Федоровне, супруге царя Иоанна Алексеевича, вероятно, для научения ее дочерей. Этот экземпляр, прекрасно написанный, с красками и

золотом, сохранился до нашего времени и принадлежал библиотеке И. Н. Царского,^[47] приобретенной графом А. С. Уваровым.^[48] В 1694 году Букварь Кариона Истомина гравер Леонтий Бунин «изобрази на дщицах ваянием — имущим учиться отроком и отроковицам, мужем и женам писати». Кроме букв, писанных разными почерками, в этой азбуке «под всяким писменем, ради любезного созерцания отрочатом учащимся, предложены виды (рисунки) во удобное звание в складе: да что видит, сие и назовет слогом писмене достолепного начертания тех. Яко: А — Адам, алектор (петух), афродита (звезда), аспид (дракон); Б — брань, брада, бичь» и т. п.; а под этими изображениями помещены нравоучительные стихи, большую часть относящиеся к изображенным же предметам. Стихи эти были собственно прописями. Например, под буквою Б изображены: брань или война, баран, буйвол, бритва, брада, барабан, бедро, бич: внизу помещены следующие стихи:

«Бытность из Бога стихии прияша,
Учащим буквы знак склад обещаша.
Изначала *брань* в мире обитает,
Юные люди жити обучает.
Барабан в полках время дает знати,
Животна (то есть *баран* и пр.) умным могут помогати,
Человеком есть *брада* совершенство,
Младым слушати старых людей денство.
Ткати постав *добр*; юных наказати
Бичем, не умрут, имут успевати».^[49]

Букварь Кариона Истомина отличается от других старинных букварей и тем еще, что он писан *книгою*, а не столбцом, как большую часть стали писать скорописные азбуки уж в XVIII столетии. Но замечательнейший памятник нашей древней каллиграфии — скорописная азбука в столбце, длиною несколько аршин, принадлежавшая известному древлехранилищу Погодина и находящаяся ныне в Императорской Публичной Библиотеке.^[50] Она относится к концу XVII-го столетия; все каллиграфическое искусство этого времени представляется здесь в такой полноте и в таком разнообразии, что едва ли где можно встретить подобный памятник в этом роде.

Вначале идут великолепнейшие *заставицы* или *заставки*, на которые, без сомнения, потрачено и много времени и еще более труда и, нужно заметить, потрачено недаром, потому что все это исполнено красиво, вычурно и обличает вкус своего времени. Среди узоров этих заставиц в кругах написаны *вязью* разные речи и в начале заглавие азбуки — *Буквица Словенска*. Эта вязь, то есть особый способ письма, весьма часто употреблявшийся для заглавий книг и надписей на вещах, назван здесь *дробными вязями*. Один из образцов этой дробной вязи представляет

верх искусства и трудолюбия нашей древней каллиграфии: в небольшом кругу начертаны тонкие линии, похожие скорее на узор, нежели на буквы. Мы с большим трудом могли разобрать здесь известную песнь «Достойно есть, яко воистинну» и в конце «Все упование мое к Тебе возлагаю». После дробных вязей помещены *связи двойные с титлы*, собственно монограммы. Вторая половина азбуки заключает в себе *заставные*, прописные и строчные буквы, написанные весьма красиво и с разными вычурными украшениями.

Азбука эта — собственно пропись, не представляющая ничего целого в отношении содержания, подобно азбукам, описанным нами выше. Здесь единственно только для прописи выбраны *речи*, отрывки или просто слова. Самое заглавие по этому случаю в ней повторено, для упражнения, три раза: «Буквица Словенска, Буквица языка Словенска, Азбука Словенская, хотящим разумети истинного слогу». Вообще эта замечательная азбука — труд по преимуществу каллиграфический, не имеющий никаких других педагогических целей; труд, который заслуживает полного любопытства по своему исполнению. Составитель, употребивший много времени и много труда на все эти заставки, вязи, связи и буквы, мог справедливо закончить свою азбуку следующими словами: «Аще горести не вкусити, то и конечные сладости не видати». Конечно, сладость есть сладость конца упорной, тяжелой работы. Древние наши писцы весьма часто оканчивали свои рукописи подобными же строками: «А как рад заец из тенет избегши, а птица из кляпци излетев, тако рад писец, списав сию книгу» — восклицали они, оканчивая последнюю строку своего труда: «Силно есмь рад, коли кончал строку последнюю!» [\[51\]](#)

В царском быту скорописные азбуки всегда украшались с большим великолепием красками и золотом. Так был украшен упомянутый выше букварь Кариона Истомина, поднесенный им, как мы говорили, первоначально царице Наталии Кирилловне для ее внука царевича Алексея Петровича, а потом, в другом экземпляре, царице Парасковии Феодоровне, для ее дочерей. У царевича Ивана Михайловича, умершего в 1639 году, была также азбука велика на столбцах (пропись), писана золотом с красками. Письмо золотописца Павла. [\[52\]](#)

Церковное пение

Кроме чтения и письма, в состав первоначального обучения входило также и *церковное пение*. Царь Алексей Михайлович на восьмом году «начал учить *Охтой*, Октоих или Осмогласник, заключающий в себе вседневные церковные службы, а на десятом году *страшное пенье*, то есть стихи и песни страстной седмицы. Его учили *певчие дьяки* Лука Иванов, Иван Семионов, Михаил Осипов. [\[53\]](#) В казне царевича хранились, кроме того, *стихирали* и *триоди знаменные*, то есть церковной службы песни и стихиры, писанные *под знамя*, под *крюками* или *крюковыми нотами*. Эти стихирали и триоди царевич, без сомнения, также разучивал или, по-старому, *распевал* при помощи певчих дьяков.

Известно также, что Петр Великий особенно любил церковное пение, которому учился, без сомнения, в отроческих летах. В Оружейной палате и теперь [\[54\]](#) еще сохраняется несколько нотных книг, по которым государь певал в дворцовых церквах, на клиросе. [\[55\]](#)

Описание полного курса обучения

Стандарт учебного плана

Вот полный курс начального обучения, существовавший у наших предков до начала XVIII-го столетия. Он заключал в себе, как мы видели: 1) словесное, то есть чтение, 2) письмо и 3) пение и был распространен в совершенном единообразии по всем сословиям Московского государства, начиная с грамотного земледельца и восходя к первому боярину и самому царю.

Дальнейшее учение и образование в гражданском быту не составляло уже существенной, неизбежной потребности и принадлежало, так сказать, к роскоши; поэтому оно не имело еще ничего определенного и всегда условливалось большею или меньшею любознательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальным курсом книжного учения, само уж избирало тот или другой путь своего самообразования, те или другие книги для удовлетворения своей любознательности.

Впрочем, в царском быту описанное начальное обучение было пополняемо другими предметами, имевшими чисто гражданский и притом практический характер. Дети государя, проходя описанный курс учения, в то же время, и даже еще раньше, знакомились посредством картинок с отечественною историею и со многими предметами вседневной жизни, то есть с полезными занятиями селянина, ремесленника, промышленника и проч., как увидим ниже.

Вообще нужно заметить, что увеселение детей, а потом и обучение посредством картинок было весьма обыкновенным приемом нашей древней педагогики и составляло лучшую и единственную ее сторону, которая своим практическим, действительным смыслом выкупала всю односторонность и все недостатки остальной *науки*. Такой метод, как известно, был употреблен и в первоначальном обучении Петра Великого.

Потешные книги

Ему не было ещё и полного года от рождения (11 месяцев), когда в 1673 г. с 10 по 13 мая 6 человек костромских иконописцев уже спешно готовили малютке потешную книгу, т. е. сборник картинок. Иконописцы употребили на работу 18 дней. [\[56\]](#)

Потешная же книга в 1675 г. февр. 7 переплетена и его сестре Наталье Алексеевне, когда ей было всего 1 ½ года; а потом августа 27 ей же двухлетней была переплетена новая потешная книга.[\[57\]](#)

В 1692 г. царевичу Алексею Петровичу была переплетена в доски потешная книга, когда ему было с небольшим два года (апреля 7 в 200 г.). Но раньше, в 1652 г. февр. 7,[\[58\]](#) также двухлетней царевне Евдокеи Алекс. было куплено «десять листов знаменных, на них писаны звери, птицы и травы».

В 1632 г. в феврале царевне Ирине на пятом году её возраста было куплено 20 листов бумаги немецкой писаной, а потом в сентябре, когда ей было пять лет и 5 месяцев, куплено ещё 30 листов такой же бумаги писанной немецкой, т. е. немецких картинок, которые несомненно служили образцами для составления и домашних потешных книг и тетрадей.[\[59\]](#)

Такие же не писанные, но печатные немецкие листы были куплены царевнам Ирине семи лет и четырёхлетней Анне, а также и пятилетнему (5 лет 3 месяца) царевичу Алексею Мих. в 1634 г. июня 16.[\[60\]](#)

Ему же в 1635 г. генв. 9, когда ему было 5 лет и 10 месяцев, куплено 32 листа писанных немецких и *русских*.[\[61\]](#)

Крекшин пишет, что «Зотов, усмотрев остроту разума и охоту к учению государя царевича, доносил великой государыне, царице и великой княгине Наталии Кирилловне, что государь царевич одарен от Бога разумом и охотою учения, и в праздное время имеет забаву к слушанию истории, и часто изволил смотреть книги с кунштами зданий, и взятие городов и боев и прочих наук, чтоб соблаговолила искусных мастеров и знающих истину определить, а государь царевич в праздные часы вместо забав, по природной своей остроте разума, охотою может обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повеле отдать все исторические книги с кунштами, определила искусных учителей, и вручи все Зотову.

Зотов же книги и училища распредели в разных покоях, и приказал мастерством драгим, красками, грады, и палаты, здания, и дела военные, и великие корабли, и истории лицевые с прописми самым лучшим мастерством писать. Егда же блаженный сей отрок, государь царевич в учении книжном утрудится, что Зотов искусно наблюдал, и книгу из рук у государя царевича брал, и в увеселение сказывал о блаженных делах родителя его великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, и великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, храбрые их и военные дела, и дальные нужные походы, бои, взятие городов, и колико претерпевали нужду и тяготу больше простого народа, и тем коликие благополучия государству приобрели, и государство Российское распространили. Так поведал дела великого князя Дмитрия Донского и дела князя Владимира и Александра Невского, и о прочих. И отхождаше с государем царевичем для увеселения в разные *учения*,[\[62\]](#) по разным покоям, объявляя, яко без сих наук державным монархом невозможно быть».[\[63\]](#)

Из слов Крекшина вообще можно заключить, что Зотов первый употребил эту методику обучать детей посредством картинок. Так многие и думали. Но встречаются

известия об этом предмете, относящиеся еще ко времени Михаила Феодоровича. По свидетельству Снегирева, «наставник царя Алексея Михайловича, Морозов, учил своего порфирородного питомца посредством гравированных в Германии картинок, как доказывает собрание их, принадлежавшее Морозову и хранящееся ныне у П. А. Муханова».^[64]

Очень жаль только, что Снегирев ограничился одним лишь этим указанием, ничего не упомянув о самом любопытном, то есть о содержании этих картинок, или о тех предметах, которые изображены на них: это было бы весьма важно и интересно во многих отношениях. Такое указание, хотя и основанное, вероятно, на одном только предании, подтверждается современными, даже официальными свидетельствами. В расходных книгах Царицыной Мастерской палаты находим записки о покупке в 1634 и 1637 ^[65] годах для царевича Алексея Михайловича и царевен, его сестер, немецких и фряжских, а также и русских печатных потешных листов.^[66] Здесь мы снова должны повторить сожаление, что ничего не знаем о содержании этих любопытных немецких листов.

В царском быту обучение картинками имело свой правильный состав; оно заключалось в царственных и потешных книгах. Отечественную историю дети узнавали из царственных книг, которые заключали в себе изложение отечественных летописей, составленное преимущественно для картинок и украшенное ими во множестве, так что самый текст царственных книг в сущности составлял только подписи к рисовальным изображениям.

Царственные книги, хотя и не вполне, сохранились до наш его времени и были изданы в XVIII столетии князем Щербатовым под названием собственно Царственной книги. СПб., 1769; Царственного летописца. СПб., 1772 и Древнего летописца, в 2 частях. СПб., 1774—1775. Все это составляло некогда одно целое и служило, как «Книга Царственная», превосходным руководством для детей, которые по картинкам наглядно изучали здесь русскую историю, знакомились с замечательными событиями, с лицами нашей древности, как можно уж было видеть из приведенного выше сказания Крекшина об учении Зотовым Петра Великого. Основываясь на этом сказаний, и князь Щербатов догадывался, что изданные им «Летописцы», во множестве украшенные рисунками, могли быть употреблены для науки Петру Великому; ^[67] но не должно думать, что они в это же время и составлены. Такие царственные книги упоминаются еще в 1639 году, во время учения царя Алексея Михайловича. В этом году, мая 1-го, из Казенного приказа отдано было в Оружейный приказ «пять книг царственных знаменныя в лицах» и в том числе первая часть, вторая, четвертая, шестая, седьмая.

Может быть, книги эти отданы были для возобновления иконописцам, которые находились в ведомстве Оружейного приказа.

Таким же образом в 1677 году марта 24 «приказу Серебряных дел дьяк Андрей Юдин принес в Оружейную Полату книгу царственную в лицах, писана на александрийской бумаге в десть, была переплетена, и из переплету вывалилась и многие листы ознаменены, а не выцвечены, *шестьсот тринадцать листов*, а на тех листах *тысяча семдесят два места*, а приказал тое книгу расцветить

жалованным московским и кормовым иконописцом; а которые *драные листы* в той книги и те листы переписать вновь; а сказал тое книгу выдал ему от великого государя (Феодора Алексеевича) из хором боярин и дворецкой и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову с товарищи на подряд, по уговору за дело со всякого места по шести денег.

Мая 12 того же года возобновление книги было окончено и иконописец получил следуемые деньги (№ 234).^[68] В мае 1678 г. иконописец Степан Данилов расцвечивал «книгу большую в десть *Бытия Царственные*, которая выдана из хором В. Государя».

Годы возобновления этих двух книг, 1677 и 1678, совпадают с началом обучения Петра Вел., которому в это время исполнилось пять лет, и подтверждают приемы учительства Зотова. Можно предполагать, что книги еще прежде побывали в руках царевича, почему в одной из них и явились *драные листы*. Очень вероятно, что, начавши свое учительство, Зотов предложил привести книги в надлежащий порядок.

В последнее время (1897 г.) Импер. Рос. Историч. музеем приобретен громадный лицевой сборник ^[69] по формату в лист, очень сходный с упомянутыми царственными книгами и содержащий в себе священную библейскую историю от сотворения мира на 588 листах и вслед за нею описание Троянской войны на остальных листах до 1031 включительно. Всех рисунков в книге 1677, все раскрашены. Рукопись по бумажным знакам и письму с полной вероятностью должно отнести к половине XVI ст. Видимо также, что она могла быть изготовлена только для царских палат царскими же художниками.

Само собою напрашивается предположение, что эта книга составляла только начало упомянутых царственных книг и была воспроизведена для наставления отроку-царю Ивану Вас., впоследствии Грозному, когда он находился под попечительством и руководством митрополита Макария 1542—1563 гг., по мысли которого, как можно предполагать, и была сооружена эта достославная книга, конечно при рассудительном желании удовлетворить природную любознательность царя-отрока.

Троянская история своим содержанием прямо указывает, что книга готовилась не малолетнему ребенку, а именно отроку лет четырнадцати-пятнадцати, отроку-царю, которому было очень полезно преподать живой рассказ о воинском деле древних греков, о славных царях, героях этого дела, о славных подвигах тогдашних людей, в назидание юному царю, да исполнится и он героическим духом на славу родной земли.

Следы хорошего знакомства с этою книгою видим в переписке Грозного с кн. Курбским, где царь укоряет изменника во лжи, говоря: «Ты подобно Антенору с Энеем предателем Троянским много соткав, лжеш» (Сказания кн. Курбского, ч. II. СПб., 1833. С. 65).

К этому же отделу живописных книг должно отнести и некоторые сочинения духовного и церковно-исторического содержания, которые также великолепно

украшались картинками, без сомнения, для назидательного чтения как детям, так и взрослым.

В 1663 году двухлетнему царевичу Федору Алексеевичу была написана книга, «а в ней писаны жития Алексея Человека Божия, да Марии Египетские, да житие царевича Иосафа в лицах, в десть». По счету, в этой книге написано девяносто мест жития святых в лицах. Через два года, в 1665 г. (сентября 18), эта книга от употребления малолетним царевичем пришла в беспорядок, почему государь указал «*перебрав*», переплесть ее снова и доски оболочь вновь бархатом червчатый, причем упомянуто, что та книга царевича Федора Алексеевича, которому в это время было четыре года. Любопытное свидетельство, показывающее, как рано дети знакомились с картинками и чем, какими изображениями начиналось усвоение этих изображений детскому смыслу. Царевич Федор Ал. двух-четырёх лет уже знакомился с лицами житий свв. Алексея и Марии, тезоименитых его отцу и матери, и мог следить за лицами царевича Иоасафа.

В 1668 году с этой книги были сняты две копии также в лицах и поданы в хоромы царицы Марии Ильичны, вероятно, для детей подходящего возраста, именно для двухлетнего царевича Ивана Алексеев. (род. 1666 г.) и для трехлетнего царевича Симеона Ал. (род. 1665 г.).

В 1670 году царь Алексей Михайлович приказал иконописцам Троицкого монастыря снять копию с живописной книги о *Душевном Лекарстве*, для чего и посланы были в монастырь две книги, одна оригинал в лицах, другая «новописана без лиц»; в этой последней велено лица, то есть изображения, написать золотом и красками слово в слово, самым добрым мастерством; большие слова все золотом, также венцы и ризы в изображениях Спасителя, Богородицы и где прилучится у ангелов и святых.[\[70\]](#)

В 1674 году в хоромы царевны Ирины Михайловны расписана была книга «Начаток о Сотворений Света».[\[71\]](#)

В числе книг первоначального чтения находим также и библейские притчи. Так, в 1693 году иконописец Тихон Иванов писал для трехлетнего царевича Алексея Петровича в тетрадах, в полдести, наспех «О притчах из Библии царя Давыда и о Вирсавии да о Едеме сладости».[\[72\]](#)

* * *

Но еще более любопытны так называемые «Книги Потешные», которые были двух родов.[\[73\]](#)

Так, одни потешные книги представляли нечто похожее на живописную энциклопедию, содержание которой условливалось небогатыми средствами тогдашнего образования; но по своему практическому, здравому направлению эти книги занимают, по нашему мнению, первое место в кругу тех скудных приемов древней педагогики, которые употреблялись в первоначальном обучении. Из этих книг малолетние царевичи почерпали простые, но в высшей степени полезные сведения о самых простых, ежедневных предметах, даже о таких, которые, может быть, не всегда могли бы и встретиться им в жизни. Например, о том, как пашут,

боронуют, сеют, жнут, как месят и в печь сажают хлебы и т. п. Разумеется, дух тогдашнего образования отражался и здесь и вносил в эти книги, вместе с изображениями *морского человека* и морской *девицы*, разные басни и рассказы о чудесах, которые почерпались из древних космографий.

До нас не дошли подлинники этих потешных книг или по крайней мере до сих пор они еще не открыты; но зато мы можем иметь самое подробное сведение о них из описания одной такой книги, приготовленной для одиннадцатилетнего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, в 1664 [\[74\]](#) году. Это описание есть не что иное, как официальная роспись тех предметов, которые должны были составить «Потешную Книгу» и приготовление которых было распределено по этой росписи между несколькими иконописцами, с означением, кому именно и что писать. Исполнением этого дела руководил государев иконописец Степан Рязанец, [\[75\]](#) под надзором которого и производилось писание потешных книг большой статьи в течение всего 1665 г. Из сохранившихся записей одна свидетельствует, что 13 декабря 1665 г. за работу иконописцев следовало выдать кормовых денег 4 р. 8 алт. 2 деньги, по 2 алт. 2 д. в день каждому мастеру, которые в числе 9 человек употребили на работу 67 дней.

Приводим здесь эту роспись вполне, как один из любопытнейших памятников царского домашнего быта:

«173 (1664) декабря в 8-й день, по указу великого государя, велеть писать иконописцам *Потешную книгу*, [\[76\]](#) чтоб перед *прежнюю* была больши вдвое, и писать в ней *иным образцом, иные прибылые статьи...*

- Орла пластоново в клейме.
- Прапорщик (с) знамен пешеи.
- Барабанщик и другой. 2 трубача.
- Пешей с пратазаном. 2 с мушкетами.
- С большим знаменем пешей. Барабанщик. Трубач. Два с пратазаны. Два с мушкеты. Два с топорками.
- Два с копыи. Два пушку тащат. Два с списками. Два с мушкеты долгими. Два пушку огненну тащат. Два с копыи.
- На коне (с) значком. На коне с литаврами. На коне трубачи. На конях с карабины. На конях с копыи. На конях в латах.
- Конми пушку тащат долгую. Конми пушку тащат верховую огненку. Пешие идут с рычагами. Плетут шанец. Землю копают. Осыпь делают.
- Город над рекою. Под городом люди. Пасут кони. Пасут коровы. Воду носят. Воду возят.
- Озеро с рыбами. На озере рыбу ловят. На берегу рыбу пекут. Варят ества. За столом сидят, обедают. С кубками стоят.
- На озере птицы плавают. По птицам на озере стреляет. По птицам на дереве стреляет. Птицы ловит тенеты. Собачка на озере плывет по птичку. Дрова на огонь кладут.
- На озере по берегу сокола пущают. Вверху сокол со птицею деретца. Птица орел. Птица попугай. Птица неясуть. Птица финикс.

- Птица сирин. Птица гамаюн. Птица строфокамил. Птица попугай зеленой. Птица сокол. Птица ястреб.
- Птица лебедь. Гусь. Журавль. Лебеди на озере. Утята на озере. Избы под деревьями.
- Зверь лев. Единорог. Гриф. Лвица. Слон. Вепреслон. Медведь. Волк.
- Лисица и заяц. Собака меденская. Собака гончая. Собачки малые. Векши на дереве. Обезьяны.
- Коркодил. Ехидна. Василиск. Змей полоз. Черепаха. Еж зверок — под деревьями.
- Бобр. Соболь. Еж большой — под деревьями. Елень. Лось. Козы дикие.
- Рыба кит. Рыба белуга. Зверь морж. Зверь медведь белой. Человек морской. Девица морская.
- Корабль на море. С корабля из пушки стреляют. Рыбу бьют большую. Рыбу ловят большую. Из моря глядят морские звери. Нерпы бьют.
- Бочки делают. В бочки сало льют. На возы кладут. Люди кита секут. В реке жемчуг ищут. Раковины на берегу перебирают, жемчуг смотрят.
- Коркодил свинью ест привязанную. Коркодила бьют. Коркодилу бревно в челюсти кладут.
- Каторга турецкая на воде. Насад. Карбас с лоткою. Судно с людьми. На судне стоят люди с знаменем. На судне с мушкеты.
- В корете едут. В рыдване едут. В телеге едут.
- Сняв шапку, в кафтане стоит. Сняв шапку, в однорядке стоит. В епанче стоит. В шапках.
- В ферезее стоит. В турецком кафтане стоит.
- Немчин в шляпе. Немчин в епанче без шляпы. Немчин на пушке. Немчин с мушкетом.
- (В подлиннике *зачеркнуто*: Кизылбашенин в чолме. Арапленин в чолме. Турчин в малой чолме. Литвин...)
- Арапленин на верблюде. Арапленин на слоне. Верблюд со вьюком. На слоне город.
- Медведь пляшет. Медведя собаки едят. Лося собаки едят. Собаки зайца гонят.
- На конях рысь колют копы. Льва кизылбаши колют копы. Медведя колют копы. Обезьян бьют палками. Обезьяны обуваются. Лев обезьяну ест.
- Псарь собак ведет. Псарь собак кормит в корыте. Собаки волка травят. Мужики волка бьют цепами.
- Птица пава. Курица и петух индейские.
- Петух русской и курица. Свиньи в корыте едят, пастух глядит.
- Сено косят. Сено возят. Пашут землю. Боронуют землю. Сеют хлеб. Жнут хлеб.
- Возят рожь в снопах. На овине сушат хлеб. Молотят хлеб. Из вороху веют хлеб. В мешках в житницу носят хлеб.
- Мельница на реке. Мельница ветренная. В жерновы человек мелет. Месит хлебы. В печь сажает хлебы. Роздает людям хлебы. Нищим дает милостыню.

- Дети учатся грамоте. Дети пред мастером стоят. Дети мастеру кланяются. Дети за столом едят. Дети в саду гуляют. Дети яблоки и виноград щиплют.
- Дети в корете едут. Дети в рыдване едут. Дети на конях. Дети пеши бегут от зверя. Дети в телеге едут. Дети круг катают.

Таким образом, эта потешная книга была составлена полнее прежних и нельзя не заметить в ней некоторой системы по крайней мере в расположении и выборе изображений.

Здесь мы отчасти можем угадать и намерение древней педагогики — наглядно познакомить ребенка с теми предметами, знание которых ему было нужнее в жизни, нежели знание множества бесплодных апофегм и изречений. Поэтому она сначала представляет рисунки *военного быта* с его подробностями, которые распространяются даже до того, «как плетут шанец, осыпь делают» и пр. Затем она переходит к *городу* и указывает некоторые предметы гражданского быта и птичью охоту, за которою идет ряд изображений птиц и зверей, замечательных в естественном отношении или полезных в быту человеческого. Потом изображается море с кораблями и китовым промыслом, река и ловля жемчугу и наконец судна военные, дающие понятие о флоте.

Далее следует этнографический отдел, в котором, однако ж, большая часть рисунков составлена, может быть, только для изображения нарядов или одежды. В картинках, помещённых после этого отдела, представлена звериная и псовая охота. Книга заключается изображениями, относящимися к сельскому хозяйству, и статьею о детях, их ученьи и забавах.

Без сомнения, все любители русской древности весьма пожалеют о том, что не дошёл до нас подлинник этой любопытной потешной книги. Утрата невознаграждаемая, особенно в том отношении, что описанные рисунки представили бы нашу старину самым наглядным образом, в ясности и полноте, которые при настоящих наших средствах даются нам только после долгих, кропотливых и упорных разысканий и соображений.

Подобным же образом, хотя и сокращеннее, составлялись и другие потешные книги этого разряда. В конце той же росписи мы находим следующую записку:

«Писать иконописцам в книгах:

Птицы. Древеса. Людей на конях русских. Птицы сороки. Птицы неясыти. Птица птицу бьет. Орла одноглавого. Двоглавого. Зверей единорогов. Лебедей на воде. Гусей. Мужиков с собаками. Еленей. Пешей человек у знамени. Собаки за зайцом. Мужика на верблюде. Орел птицу ухватил. Мужик рыбу ловит. Птиц павлинов. Медведя собаки грызут. Мужики обивают виноград. Люди борются. От волков мужик боронитца. Волки едят свинью. Мужик с вилами идет на медведя. Мужик по птицам стреляет. Мужик по обезьянам стреляет из лука. Собаки елена (оленья) обсочили. Человека со вьюком. Птицу гриф. Человек стреляет по медведе на дереве. Медведь пляшет. Медведь человека ест. Волк овечку ест. Люди пушку тащат в корабле. Люди рыбу ловят в море. Человек с знаменем. Птица со змием деретца. Корова пришла пить. Козел. Лев зайчика несет. Лев же

сидит за решеткою. Человек с собаки, за охотою. Два козла бьютца. Стада овец да козлов. Гриф со змием деретца. Лев свинью ест. Льва собаки обсочили да человек за ними».

Над этими потешными книгами, изготовленными, как мы уже сказали, для царевича Алексея Алексеевича, трудились, то есть рисовали, расписывали их красками и украшали золотом, жалованные и кормовые иконописцы Симон Ушаков, Степан Резанец, Федор Евтихеев с товарищами, всего семнадцать человек. Под каждую статью они подписывали также, *уставом*, добрым мастерством, *речи*, то есть объяснения изображённых предметов, что и составляло текст этой древней живописной детской энциклопедии. Нужно упомянуть также, что большая часть рисунков в этих книгах заимствована была, без сомнения, из упомянутых выше немецких и фряжских печатных листов или гравюр, которые также назывались потешными.

Потешные книги этого разряда от употребления, разумеется, приходили в ветхость, дети их грязнили и рвали; поэтому они весьма часто или возобновлялись, или составлялись вновь. На это мы имеем много указаний в делах Оружейного приказа, который заведовал всеми иконописными и живописными работами. Весьма редко, однако ж, такие указания упоминают о содержании книг. Так, в 1664 г. изготовлены были четыре книги потешных для царевен меньших. Марта 3 они были переплетены переплётчиком книг-печатного дела наборщиком Фед. Исаевым, которому было выдано 50 листов сусального золота для того, чтобы по обрезу позолотить. *Меньшими* именовались царевны дочери царя Алексея Мих. в отличие от *больших* царевен дочерей царя Михаила Фед. Ирины, Анны, Татьяны. Меньшие царевны в это время были Евдокия 14 лет, Марфа 12 лет, Софья 7 лет, Екатерина 6 лет, Марья 4 лет, Феодосия 2 лет.[\[77\]](#)

В 1665 году иконописец Федор Тимофеев с товарищи всего 10 человек 76 дней писали царевичу Федору Алексеевичу «Потешную книгу в четверть листа».[\[78\]](#)

В 1668 г. дек. 20 иконописец Фед. Матвеев писал потешную книгу в хоромы к царевнам меньшим.[\[79\]](#)

В 1672 году в генваре иконописец Петр Афанасьев писал царевичу еще две потешные книги: *люди с боем*.[\[80\]](#)

В 1675 г. февр. 4 иконописец Иван Филатов писал царевичу Федору Ал. еще потешную книгу (№ 858).[\[81\]](#)

В 1675 г. писана *потешная книжка* двухлетней царевне Наталии Алексеевне.[\[82\]](#) В том же году иконописцу Тимофею Резанцу велено написать в хоромы к царице Наталии Кирилловне *две книги потешные* в осьмушку, а писать *девицы и птицы и бабы разными переводы*, то есть образцами, царевнам меньшим. В 1676 г. иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу четырехлетнему царевичу Петру Алексеевичу, а в 1680 году иконописец Тимофей Резанец писал и расцвечивал шафраном царевичу Петру *потешные тетради*.[\[83\]](#) Для трехлетнего царевича Алексея Петровича изготовлены были в 1693 году иконописцем Иваном Афонасьевым октября 12 дня потешная книга в тетрадях в десть, то есть в лист, *строй служивых и иных и зверей и птиц*, и другая, декабря

22, [написана декабря 30] *люди, звери и птицы*. В 1695 году иконописцы Петр Федоров, Ларион Сергеев и Иван Афонасьев написали царевичу еще потешную книгу «*птиц и зверей разными образцы*». К тому же разряду учительных картинок могут относиться и особые листы с разными изображениями, например: зодиака или *небесных бегов*. В 1680 г. такой лист «*двенадцать месяцев и беги небесные*» был написан живописцем Карпом Золотаревым для царевича Петра Алексеевича.^[84] В 1694 году для царевича Алексея Петровича написаны иконописным письмом, на четырех листах, *четыре стихи и да двенадцать месяцев*. Известно также, что для учения царевича Алексея Петровича была составлена книга *Град царства небесного* с раскрашенными рисунками «с помещением краткого понятия о разных науках, кои лучшею тогдашнею живописью представлены в аллегорических фигурах».^[85]

Другого рода потешные книги имели целью доставить детям легкое и интересное чтение. Поэтому сюда входили разные истории и повести, известные под именем сказок; повести эти были писаны почти всегда в лицах, то есть с картинками. Образцами их могут служить так называемые лубочные сказки. Едва ли не все эти сказки были в XVII ст. потешными книгами и составляли в царском быту одно из самых обыкновенных развлечений не только для детей, но и для взрослых.

В конце XVII столетия и большею частью в начале XVIII эти потешные книги, украшенные рисунками, написанные уставом, стали гравировать на медных досках и, без сомнения, с совершенным подобием древним оригинальным рукописям, что вполне подтверждается теперешними их изданиями, весьма уж потерпевшими от разных перемен и переделок. Многие рисунки теперешних лубочных сказок, особенно изображения городов и палат и самый почерк текста, во многом напоминают еще старину XVII-го столетия.

К сожалению, записки XVII ст., упоминая о потешных книгах этого разряда, весьма редко проговариваются об их содержании.^[86] Встретившиеся нам подробности об этом любопытном предмете относятся к 1693 году.

Вот подлинные записки:

202 (1693) года октября во 2 день в хоромы к великому государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Петровичу всея великия и малыя и белыя России окольничей Иван Юрьевич Леонтьев приказал написать в тетратях в десь в *лицах* потешную книгу *Петра Золотые Ключи*, незамотчав, и подписать речи уставом. И того ж числа тое книгу велено знаменить и писать иконописцу Ивану Афанасьеву.

202. декабря 3 переплетена, за работу 3 алт. 2 д.

«Декабря в 4 день из хором великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Петровича всея великия и малыя и белыя России дьяк Кирила Тиханов снес потешную книгу в *лицах* в десь (то есть в лист) о *Бове Королевиче*,^[87] многие листы выдраны и попорчены, а приказал тое книгу починить заново. И того ж числа для починки та книга отдана иконописцу Федору Матвееву».

Лица или рисунки этих потешных книг были раскрашены яркими красками по местам с золотом и серебром, что, без сомнения, особенно и нравилось царевичу, который в это время был еще только четырех лет и едва ли знал читать. 202 г. ноября 2 в потешной книге «Петра Золотые Ключи» *речи* (то есть текст) были написаны *уставом*, добрым мастерством; речи эти, всего тридцать два листа, писал Никитского монастыря псаломщик Павел Перфильев, вероятно, отличный каллиграф того времени. Через месяц, ноября 29, в этой же самой книге снова подписывал *речи* дьячек церкви Василья Блаженного Яков Григорьев, «для того, что многие листы были выдраны, всего 20 листов»; за каждый лист ему выдано по алтыну с деньгою. Переплетали эти книги в бархати и атлас с шелковыми тесмами или завязками.

Лубочные сказки о «Петре Золотые Ключи» и о «Бове Королевиче» переводные; они до сих пор пользуются в народе огромною известностью и представляют образцы оригиналов.

Основываясь на приведенных записках, мы снова можем повторить, что все известные старинные лубочные сказки и истории были некогда *потешными книгами* и служили для детей забавою, игрушками, развлекавшими их среди трудов «книжного научения». Позднейшие их издания в XVIII ст. и в начале XIX, посредством гравирования на медных досках, вполне сохраняют старые рукописные образцы, составляемые в XVII ст., в которых, например, изображения палат и других строений сходны с иконами.

Арифметика (арифмословие), грамматика, география и проч.

Совершенно неизвестно, входили ли в состав первоначального образования грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также арифмословием, всеобщая история (в хронографах), география (в космографиях) и языки иностранные. Сведения о полном составе тогдашней науки, то есть *о семи свободных художествах*, появились у нас, кажется, не ранее конца XVII столетия.^[88] Около этого времени переведена была небольшая статья, или *книга, избранная вкратце о девяти мусах и о семи свободных художествах*,^[89] в которой излагаются общие понятия о сущности учения каждого художества, или, лучше сказать, представляется характеристика этих художеств, соответственно тогдашним понятиям о них.

«Философи древний хотяще показати яко всякое учение подобает в память быти и содержатися единому от другого; понеже аще не в память пребывает учение, всеу труждаемса; аще и бесчисленные книги прочитаем, и аще единого ^[90] учение познаваем, другого же несвемы — хромое таковое учение явится. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже друг друга рукою содержатся и на различное учение ^[91] относятся и лик составляют. Между их сликовствует Аполлон сиречь солнце, знаменуя, яко учение свет есть ^[92] и миру сияет. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже различным учениям

подобятся... им же имена сице положена суть: 1) *Клио* сиречь славная, нареченная от славных дел, яже воспевается и историка именуется. 2) *Калиопи* сиречь доброгласная, ради сладкого ее доброгласия. 3) *Ерато* сиречь желаемая или возлюбленная, или от пения любве или яко от всех желается. 4) *Фалиа* сиречь цветущая, от цветущих слышателей. 5) *Мелпомени* сиречь воспеваемая, понеже воспевает. 6) *Терпсихора* сиречь ликовесеющая, понеже лик веселит, яже нарицается и гусленица.^[93] 7) *Евтерпи* сиречь благоукрасительная яже благоукрашает; нарицается сия и трубительница яже предстоит трубам. 8) *Полимнна* ^[94] сиречь многопесенная или многопамятная. 9) *Уrania* сиречь небесная, понеже о небесных делах учит...»

Описав таким образом девять мус, автор переходит к обозрению свободных художеств. «Первое свободное художество *грамматика*, имя свое получи от греческого ^[95] граммма сиречь письмо, от граммма же грамматика наречется, сиречь *писменица*. Есть грамматика славенски изрядное художество глаголати ^[96] и писати учащее и пр. Второе свободное художество *риторика*, есть художество яже учит слово украшати и увещавати... Конец риторики есть учити красно глаголати и увещавати... Третье — *диалектика*, яже и логика нарицается именуется от греческого речения диалегоме, сиречь истязаяся или любопрюся или скоро обретаю и изобретение ^[97] чиновне сочиняю... Диалектика ^[98] конец есть еже благое от зла и ложь от истины разделяти... Четвертое — *арифметика* сиречь *числительница*. Пятое — *музыка* сиречь *песньствование*, имя свое от мусы богини пения получи; есть же музыка сведения благо ^[99] яже и гармония сиречь согласия ^[100] наречется... Шестое — *геометрия* сиречь *земномерие*... от нее, яко от корени состоятся начальство ^[101] острологии, географии и иных художеств... Седьмое — *астрология* сиречь звездословие... есть же астрология учение, ^[102] толкующее силу и движение звездам...».

Подобными истолкованиями и вообще только характеристикою этих художеств ограничивается все содержание упомянутой книги, избранной вкратце. Полного изложения всех этих художеств предки наши не имели; первоначально принята была одна грамматика, как необходимое *орудие* к рассуждению высокого во свв. книгах лежащего разумения.

Затем, если не вполне, то частями были переводимы и некоторые другие из этих художеств, например, музыка, арифметика; иные же были даже отречены, например, геометрия, астрология. Притом и самая грамматика не входила в состав общего образования, а была специальным учением, необходимым только для духовных лиц, посвящавших себя ученым занятиям, например: исправлению книг, переводам.

Таким образом, свободные художества в полном их составе не были у нас водворены и большею частью предки наши знали их только по именам. Кроме того, иные науки или художества смешивались в тогдашних понятиях с еллинскими языческими таинствами, да и вообще слово *еллинский* обозначало все языческое, а свободные художества шли от еллинов, следовательно, были языческие...

По свидетельству иностранцев, науки не были приняты в этом составе и в царском быту, то есть в первоначальном образовании царских детей.

Рейтенфельс делает следующий общий очерк первоначального образования в царском быту: «Изящными (то есть свободными) науками царские дети не занимаются, кроме энциклопедических познаний о предметах политических; зато весьма тщательно изучают (кроме чтения и письма на отечественном языке) состояние своего государства и соседственных держав, дух и потребности подвластных народов, различающихся языком и нравами; приучаются любить и уважать отечественные обычаи и неуклонно следовать правилам религии. Долг справедливости требует сказать, что этот скромный и по-видимому простой образ воспитания царских детей в России дает им прекрасное направление и гораздо полезнее, нежели изучение всех тайн философии и уроки самых глубокомысленных учителей».^[103] В отношении иностранных языков Котошихин говорит положительно, что, кроме русского, «никаким иным языкам научения в Росийском Государстве не бывает».^[104]

Есть, впрочем, данные, по которым можем заключать, что при царе Алексее Михайловиче и иностранные языки и некоторые из свободных наук не были изъяты из первоначального образования его сыновей. Примером служит царевич Алексей Алексеевич, подававший блестящие надежды и так рано похищенный смертью.^[105] Он умер шестнадцати лет. Имея отличные дарования, он, по свидетельству современников, с особенною любовью занимался книжным учением,^[106] чему, без сомнения, много способствовало и то, что дядькою его был Федор Михайлович Ртищев, любитель и покровитель просвещения в тогдaшнее время, который «прилежным своим к государю царевичу служением наипаче себе изнури, бодрствуя, и смотря и поучая его благочестно».^[107] Учение ^[108] [царевича Алексея Алексеевича] впервые в московском дворце было ведено по системе тогдашней школьной науки, именно путем *учения грамматического*, как на славянском, так на латинском и греческом языках. Для *учения по латиням*, может быть, и избран к царевичу иеромонах Симеон Полоцкий. По прибытии в Москву ^[109] Полоцкий поступает прямо в Верх, т. е. во дворец, и содержится со своими челядинцами и даже с собственными лошадьми на *дворцовый* счет...

Вероятность же, что он был учителем царевича Алексея Алексеевича (а потом уже и Федора),^[110] может раскрываться в следующем обстоятельстве. В 1667 году царевичу Алексею исполнилось 13 лет. Он был всенародно и торжественно *объявлен* наследником престола. Когда в честь этого радостного всенародного события царь давал во дворце, 7 сентября, почетный, торжественный стол, то на обеде в числе других официальных лиц находился и *учитель старец Симеон*, как отмечено в современной записке,^[111] сидевший даже в *особом столе* в близости от государя, по левую сторону государева места или трона. Этот старец Симеон был не кто другой, как иеромонах Симеон Полоцкий; и можно догадываться, что потому он и удостоен был чести сидеть на обеде *объявляемого* всенародно царевича, за особым столом и притом с именем *учителя*, что в действительности

был его учителем и призван был официально торжествовать государственный праздник своего ученика.

После стола Полоцкий говорил государю речь, сочиненную, вероятно, на прославление и поучительное изъяснение этого случая, за что 16 сентября получил в награду атласную соболью шубу. В расходной книге Казенного приказа под этим числом 1667 года записано между прочим: «Учителю старцу Семиону Полотцкому 10 аршин атласу зеленого по двадцати по шести алтын по 4 деньги аршин, да ему ж велено дать испод соболей в 60 рублей, и ему дан сорок соболей в 60 рублей; а пожаловал государь его по своему государеву имянному указу для того: в нынешнем во 176 году сентября в 7 день был у великого государя у стола в Грановитой Полате и великому государю говорил речь» (№ 384). Награда в 67 рублей за одну только речь слишком значительна по тому времени и по сравнению с другими подобными наградами. Без сомнения, сюда же входило и вознаграждение за труды по учительству, по крайней мере другие учителя при начале или в конце ученья получали всегда точно такие же награды... Как бы то ни было, мы теперь знаем, что Полоцкий во дворце в 1667 году носил титул *учителя*...

Царская библиотека

В числе книг, принадлежавших библиотеке царевича [Алексея Алексеевича], мы находим, кроме многих книг духовного содержания, грамматики печатные и письменные, лексиконы, между которыми один словенский с греческим, а другой латинский с словенским, потом сто тридцать семь книг на разных иноземских языках, книгу Аристотелеву, книгу Монархию, Собрание патриарха Никона (может быть, Летопись?), книгу цифирную (арифметику), книгу размерную (геометрию), одиннадцать книг — *описание земель*, то есть книг географических, четырнадцать листов — *описание разных земель* (ландкарты), *два яблока* — *описание земли* (глобусы) и проч. [\[112\]](#) Если не все из этих книг были употреблены в первоначальном обучении царевича, то во всяком случае они могут свидетельствовать, что именно назначалось для его дальнейшего образования, которое с этого времени становилось обширнее, или по крайней мере полнее, нежели как было в начале XVII-го столетия, именно при обучении царя Алексея Михайловича, в отроческой библиотеке которого, кроме духовных книг, встречаем только славянскую грамматику — литовская печать в 8-ю д. л., лексикон — литовская печать также в 8-ю д. л., и письменную космографию, в лист. [\[113\]](#)

В Материалах [III, 1—5] мы помещаем описи царских библиотек, которые любопытны, как указатели нашей старинной образованности, как свидетели любознательности и тех интересов, которыми руководилась умственная сторона жизни нашего древнего общества. Само собою разумеется, что одни заглавия не могут еще дать полного, отчетливого понятия о всей массе сведений и идей, которые служили содержанием древних книг и составляли, так сказать, умственный капитал наших предков.

Но и по этим заглавиям мы уже можем отчасти делать заключения, по крайней мере об общем направлении умственного и нравственного развития в тогдашнем обществе... Разработка русской древности еще при начале. Теперь [114] с каждым днем убеждаются, что старая наша письменность была вовсе не так бедна, как это представлялось в былое время. Будем ожидать новых делателей, которые познакомят нас не только с заглавиями, но и с содержанием древних рукописей; и вместо того чтоб описывать *корешки*, как делают книгопродавцы и как это было необходимо в свое время, представят полные, отчетливые монографии. Можно положительно сказать, что здесь скрывается целая, еще нетронутая область самых любопытных свидетельств о нашей допетровской старине. Так, например, переводная литература второй половины XVII-го столетия — эти римские истории, приклады, зело трепетные и умильные, сказания и повести о храбрых, славных и прекрасных *рыцарях*, витязях и королевичах, служившие под именем *потешных книг*, как мы видели, легким, забавным чтением, необходимо должны были внести в понятия наших предков много новых идей и убеждений, именно элемент *рыцарский*, *рыцарские* подвиги и поступки с храбростью и *честью*, которые во многом были различны от подвигов, храбрости и чести древних русских богатырей, *рыцарский* взгляд на женщину, совершенно противоположный взгляду богатырскому и т. д. И *Петр рыцарь золотых ключев* и *храбрый и прекрасный Бова-Королевич* с этой точки зрения получают для нас совершенно другой интерес...

Между тем это одна только сторона древнего литературного влияния, о которой мы упомянули единственно для примера. Другие, более важные, более значительные стороны нашего допетровского образования также в высокой степени любопытны, также могут пролить совершенно неожиданный свет на умственное и нравственное развитие наших предков... Но для возделывания этой области нужны добрые делатели и добрые труды, которых с нетерпением ожидают теперь все любители русской древности.

Опись книг царя Михаила Феодоровича

Книги (в Государеве в Большой шкатуле).

Книга в десь Государеву Избранью и Поставленью, по обрезу золочена, доски поволочены бархатом червчатым, плащи и застежки серебрены.

Книга Потребник печатной, в десь.

Книга Апокалипсис печатной, в десь.

Книга Устав печатной, в десь.

Книга Измарагд писменной, в десь.

Книга Исповеданию печатной, в полдесь, доски поволочены сафьяном лазоревым.

Книга Празнество Пречистыя Богородицы Чудотворному Образу Казанскому, в полдесь.

Книга Празнество мученице Ирине, в полдесь.

Книга Аристотелева, в полдесть.

Книга в полдесть о наказании гнева Божие к Российскому государству и о Троицком Сергиева монастыря о осадном сиденье.

Книга Святцы, в полдесть, с летописцы и с повестьми, по образу золочена. (Опись Государевой казны 7142 (1634) года.)

Книги, что приняты по книге у подьячего у Дмитрея Михайлова 150 (1642) году.

Книга Устав, в десть, печатной; доски обочены кожею червчатою, доски и листья набиты золотом.

Книга в десть Апостол печатной, поволочен отласом золотным по червчатой земле; застежки серебряны; слова во многих местах прописаны золотом. *И сей книги у отдачи не объявилось.*

Книга в десть, Изображение и Поставление Великого Государя Святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Руси, писменная, прописывана золотом; доски обочены бархатом червчатым, застежки и наугольники и середники серебряны.

Книга Апокалипсис, печать литовская, доски коженые.

Книга в полдесть, История о гневе Божии и о Троицком осадном сиденье; обочена камкою червчатою, застежки серебряны.

Книга в полдесть, Изморахт писменной, доски обочены кожею червчатою.

Книга в четверть, Евангелие на престольное писменое; застежки и наугольники серебряны золочены, прокладки шолковые с кистми.

Книга в полдесть, Избрание епискупье, печатная, в досках.

Книга в полдесть, в тетратях, Празнество и Житие Казанских Чудотворцов.

Псалтырь невелика в осмушку, писменная, слова прописаны золотом; доски поволочены бархатом черным.

Святцы в четверть малую, писменные, доски поволочены кожею.

С сими ж книгами, книга Правила в десть писменная, скорописная, переплетена в досках в красной коже, держена. И 157 августа в 8 день сю книгу Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси указал дати к Саве Звенигороцкому Чудотворцу в Сторожевской монастырь и по государеву имянному указу ся книга к Саве Чудотворцу отдана. Книгу взял и записать приказал стряпчей с ключом Федор Михайлович Ртищев.

Тут же положено мелких 6 книжек, да в полдесть 7 книга, да дестовых 4 книги.

И 161 сентября в 2 день Аристотелеву книгу взял Федор Михайлович Ртищев.

Опись книг царевича Алексея Михайловича

Апостол печатный, в десть, слова прописные золотые; с застежки серебряны. Во 142 году сентября 18 благословил царевича Великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич.

Апостол писменный, в четверть, пожалован царевичу патриархом Филаретом Никитичем в 143 году декабря 10.

Азбука, большая печать, у Азбуки на столбце указ, сверху речь золочена.^[133] Благословлена им же патриархом царевичу (5-й год) в 141 году.

Ахтай да Стихеры знаменны, куплена у Строгановых.

Главизны наказательны о нравоучительстве — царя Василья Греческого сыну своему царю Льву, в полдесть. Благословил патриарх Иосиф Московский и всеа Руси.

Грамматика, литовская печать, в осмушку.^[134] Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов.

Козмография в лист. Челом ударил думный дьяк Михаил Данилов.

Лексикон, литовская печать, в осмушку. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов.

Псалтырь с песнями, с изображенными псалмы, писана книжным писмом, слова в начале в прописях писаны золотом; доски оболочены камкою алою, жуки и застежки серебряны чеканные. В полдесть. Государю Царевичу Алексею Михайловичу челом ударил в 145 году дьяк Василий Прокофьев (учитель царевича).

Псалтырь писменная в осмушку. В средних репы и наугольники с обеих сторон серебряные. Челом ударил Благовещенский протопоп Никита в 148 году марта 10.

Стихараль знаменной, застежки и жуки серебряны с чернью; в полдесть. Куплено у Строгановых сидельцов, у Терентья, за 12 рублей.

Стихараль знаменной, в полдесть. Челом ударил дьяк Василий Прокофьев.

Треоди знаменные, в четверть. Челом ударил дьяк Василий Прокофьев.

Книжка — листье каменное, доски серебряны камфарены; по доскам на сторонах стоят немки; застежки серебряны ж, на переплетке четыре репейка на шурупях. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов во 145 году ноября 29.

Книжка каменная ж, доски серебряные резные, по зеленой земле. Челом ударил дьяк Григорий Львово в 145 году.

Перо писчее с финифтом, у него черен королек, на верху изумрудец. Челом ударил царевичу боярин князь Алексей Михайлович Львов.

Перо серебряно с карандашем. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов.

Черниленка кизылбашская. Куплена из Купецкие полаты в 148 году.

Книги печатные

Евангелие напрестолное оболчено бархатом червчетым, без евангелистов.

3 книги Евангелие ж, напрестольные, в досках.

Книга Деяния Апостольское толковое, оболчено сафьяном, печать литовская.

Книга Евангелие толковое воскресное оболчено кожей красною.

2 книги Апостолы оболочены, один отласом золотным по зеленой земле, застежки серебряны золочены, а другой Апостол оболочен кожей красною.

Книга Псалтырь оболочена отласом червчатым, застежки серебряны.

Книга Псалтырь слово с следованием.

4 книги *Псалтыри учебные*, оболочены кожей красною, в полдесть.

14 книг Службников, оболочены кожей красною.

4 книги Правил святых апостол и святых отец.

2 книги Потребник да Устав оболочены кожей красною.

Книга Пролог Сентябрь по Март оболочка красная.

2 книги Маргаритов оболочены кожей красною.

Книга Лествица оболочена кожей красною.

Книга Ефрем Сирийский оболочена кожей.

Книга Минея месяц Апрель оболочена кожей.

4 книги *Часовников* оболочены кожей.

2 книги Многосложный Свиток, оболочен в коже.

Книга Каноник в оболочки в осмушку отлас золотной, жучки...

Книга *Азбука* литовская в восьмушку в досках.

Книга полская печать.

5 книг бытеевских Моисеевых.

Книга в полдесть *Псалтырь учебная* — п...ная, оболочена камкою двоеличною наконечники и застежки серебряные.

Книга в полдесть Псалмы избранные, оболочены кожей.

Азбука в полдесть *учебная* пропис... слова золотные оболочена кожей. [\[136\]](#)

Книга о Божестве литовская печать в четверку оболочена кожей красною в досках.

Книга *Козмография* латынская печать.

Книги писменные

Книга Апостол в полдесть скорописной в досках.

Книга *Псалтырь* писменная в осмушку обочено бархатом червчетым, жучки и застежки серебряные.

Книга Псалтырь в полдесть полууставная в досках.

Книга Кирило Иеросалимского в полдесть скорописная обочена красною кожею без досок.

Книга Катихисис в полдесть уставная обочена кожею красною в досках.

2 книги *Зерцало души с плотию* в полдесть полууставная в досках.

Книга *Часослов* в полдесть уставной в досках. Книга Григория епископа Амиритцкого в десть полууставная в досках.

Книга Октябрь месяц в полдесть пол'уставная в досках.

Книга блаженного Кирила Поучение о чернечестве писано мелким писмом в досках.

2 книги в полдесть пол'уставная Засима и Саватя Соловецких Чюдотворцов в досках.

Книга писменная писано Жития Суздальских Чюдотворцов в полдесть в досках.

Книга в полдесть игумена Паисея Кашинского обочена кожею красною.

Книга Июль месяц в полдесть уставная в досках.

Книга в полдесть уставная, а в ней Житие Макария Египетцкого с каноном и с стихеры да Молитва Киприянова.

Житие Никиты Столпника Переславского Чюдотворца, Страдание князя Михаила Черниговского и болярина его Феодора.

Житие преподобные Еуфросинии, Мучение Иякова Перского, Мучение святого мученика Христофора, Мучение святые мученицы Ульянеи, Житие святого Николы Чюдотворца.

Книга Василия царя Греческого к сыну его Льву премудрому о наказании в полдесть уставная обочена кожею застежки серебряные.

Книга уставная в полдесть, а в ней Житие преподобного Григория Сенаита и иных святых отец, Жития по главам в 18...

Книга Василия Амасинского в полдесть уставная в коже красной.

Книга полууставная Треодь посная в досках (начала у той книги нет).

Книга Лествица полууставная в досках (начала у той книги нет).

Книга Трефолой полууставная в полдесть в досках.

Книга в полдесть *История Казанского* [sic] обочена в черную кожу в досках.

Книжка в четверть *цыфирная*.

Книжка в восмушку Полуставейцо печатная с перекладочки в досках в коже черной позолочена.

Книжка в восмушку *Святцы* полууставные обочено отласом золотным застежки серебряные.

Книжка в восмушку греческое письмо с четырьмя застежки серебряными облочена отласом золотным.

Книжка *каменная* доска в серебре позолочена, а на досках на обеих сторонах вылиты два человека с личинами.

5 книг певчих.

Из Росписи казне Государя Царевича и Великого Князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии, которая была в хоромах

Словенских книг:

Новый Завет. — Библия. — Две книги — Мечь духовный. — Апостол толковой. — Беседы Апостолские. — Беседы на Деяние. — Шестоднев Василия Великого. — Ефрем Сирин. — Три книги Беседы на Евангелие. — Псалтырь толковая писаная. — Трефолой киевской. — Маргарита в полдесть. — Патерик Печерской. — Житие Савы Сторожевского. — Аввы Дорофея. — Житие преподобного Александра Ошевенского. — Святцы печатные. — Летописец в кратце Царем и Великим Князем;

в той же шафе:

4 сткляночки с шурупцы серебряными. — Четыре сулейки. — Достоканец стекочатой. — Рюмка. — Ставец склянишной. — Сткляница с винным духом. — Метелка кореновая. — Два зеркала. — Налоец дубовой столом.

В красной шафе.

Ефрема Сирина. — Вирши на оказание Государя Царевича. — Новый Завет. — *Алексикон печатной*. — Мерило праведное. — Канонник, писменой (маленькой) (с) наугольники золожеными.^[138] — Канонник писменой с наугольники ж и с застежки серебряными. — Псалтырь писменная маленькая, в черном бархате. — *Грамотика словенская*. — Цветник. — Собрание патриарха Никона. — *Грамматика словенская*. — *Катихизис словенской печатной*. — *20 книг на розных языках*.^[139]

В сенях задних в ящике склянишными судами, да в них же две чернилницы кизылбаские.

В черной шафе, которой стоит в передних сенях.

Книг: Лексикон писменной словенской с греческим. — Беседы Апостольские на Деяние. — Псалтырь писменная харатейная (в лицах). — Лексикон латинской (писмянной с) словенским. — Новый Завет. — Книга писменная Аристотелева, в отласе. — Часовник печатной, старая печать, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси. — Пролог писменной. — О священстве Иоанна Златоуста. — Иоанна Дамаскина ^[140] писменная. — Книга Манархия. — Книга описание соборное. — Жезл правления. — Книга ратного строения. — Два Лексикона. — Книга о вере. — Книга Макария ^[141] Александрийского. — Катихизис большой. — Осьмьдесят шесть книг ^[142] на розных языках больших и малых. ^[143]

5) Опись библиотеки царя Федора Алексеевича

Книги в переплете в десть:

Евангелие по обрезу желтой краски, доски не обочены, 162 году (192 октября 4-й день сию книгу к Великому Государю в хоромы принял столник князь Иван княж Иванов сын Галицын).

Два Евангелия по обрезу зеленой краски, доски не обочены, 186 году.

Евангелие без досок, а которого году выход, и то выдрано.

Четыре книги Евангелия, неделные, переплетены в коже, по образу розными красками, 160 году (и 192 году октября в 30-й день сию книгу одну к Великому Государю в хоромы принял столник князь Иван княж Иванов сын Голицын).

Две книги писменные на Евангелие Иоанна Богослова да Матфея Беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого.

Апостол переплетен в сафьяне червчатом, по обрезу прыском, 188 году.

Псалтырь писан в лицах, 102 году.

Две Псалтыри со воследованием, одна по обрезу золотом, 188 году (и 192-го октября в 30 день сию книгу к Великому Государю в хоромы принял кравчей князь Борис Алексеевич Голицын).

Псалтырь переплетена в отласе алом, по обрезу золотом, 161-го году.

Мечь духовной, по обрезу золотом, 174 году (192 года октября в 31-й день сию книгу к Великому Государю в хоромы принял боярин князь Борис Иванович Прозоровской).

Пять книг Труб духовных, в том числе четыре по обрезу золотом, 182 году (и 192-го октября в 31-й день сию книгу принял в хоромы к Великому Государю боярин князь Борис Иванович Прозоровской).

Четырнадцать книг Огородков, по обрезу розными красками (и 192-го октября в «29» день одну книгу, к Великому Государю в хоромы принял боярин князь Борис Иванович Прозоровской).

Две книги Октаев всех гласов, по обрезу золотом, первого гласу выходу 174-го, пятого гласу 157 годов.

Октай пятого гласу выходу 124 году.

Четыре книги Треоди цветных, по образу розными красками, две выходу 178 году, две 188 году.

Книга Беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого на Даяние Апостолское, по обрезу золотом, выходу 132 году (и 192 году октября в 29 день сию книгу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в хоромы принял кравчей князь Борис Алексеевич Голицын).

Две книги Минеи месячные Сентябрь, Ноябрь, Октябрь месяцы, переплетены в сафьяны черные; по обрезу красною краскою, 185 году (а 192-го октября в 29-й день сию книгу Великого Государя в хоромы взял...).

Анфалогиион или Трифолой, по обрезу зеленой краски, выходу 1678 году.

Беседы Иоанна Златоустого на четырнадцать Посланий святого апостола Павла, выходу 132 году,

Служба и Житие преподобному отцу Саве Сторожевскому Чюдотворцу, переплет в бархат зеленом, застежки серебряные.

Книга Григория Мезия, по обрезу зеленою краскою с золотом, 172 году.

Книга Степенная царского родословия, писменная.

Книга Родословие Великих Государей Московских, почему им государем присвоение окресные государи, собрана Лаврентием Куроничем 1600 году, переплетена в бархат рудо-желтой, середина и наугольники и застежки серебряные золочены прорезные, чехол сукно ало.

Две книги писменные ратного строю, 114 года.

Книга лекарственная переплетена в ирху.

Четыре книги ратного строю, 157 году, по обрезу розными красками.

Псалтырь стихотворна 188 году, по обрезу *крымком*.

Одиннадцать книг Псалтырей стихотворных не переплетены.

Лечебник писменной.

Две книги ратного строю писменные.

Четыре книги ратного ж строю печатные.

Три книги переписные церквам и церковным землям, 165 году Кремля, Китая, Белого, Земляного городов.

Три книги переписные церковной утвари Спаса Нерукотворенного, Иоанна Белоградцкого, великомученицы Евдокеи, что в Верху.

Книга латинская печатная, переплетена в коже, на ней наведен золотом орел двоеглавой.

Две книги латинские чертежные, по обрезу золотом.

Книга латинская чертежи розных государств на александрийской бумаге в переплете, по обрезу золотом.

Четырнадцать книг латинских, переплетены в паргамней.

В полдесть:

Евангелие писменное переплетено в бархате червчатом, средины и наугольники и застежки серебряные резные.

Новый Завет, переплетена в бархате червчатом, по обрезу золотом, ветха.

Четыре Служебника, в том числе один переплетен в бархат лазорев, по обрезу золотом, средина и наугольники отняты; а досталные в коже, по обрезу розными красками.

Библия острожские печати, ветха.

Псалтырь киевские печати, по обрезу красною краскою.

Часослов киевские печати, по обрезу зеленой краски, 134 году.

Житие Николая Чюдотворца, по образу золотом, 188 году.

Рай Мысленный о святей горе Афонской, по обрезу зеленой краской, 168 году.

Житие Антония Великого писменная, по обрезу золотом, застежки ленты алые.

Ответы в кратце на Лазаря Росколника со клеветы ево, по обрезу красною краскою.

Царские вопросы и собранные ответы о многоразличных церковных чинах, по обрезу золотом, писменная.

Титлы правилом сотчтания и главы, писменная.

Неделя святых отцов, писанная.

Служба канон благоверному царевичю Димитрию Московскому.

Святейшего Никона патриарха Московского о Крестном монастыре.

Канон за едино умершего, писанная.

Служба канон преподобному отцу Паисею Углецкому, писанная.

Четыре книги о Кресте печатные, на польском языке, по обрезу золотом; в том числе две переплетены в отласе червчатом, одна в камке червчатой, одна ж в тафте синовой.

Две книги печатные на латынском языке, по обрезу золотом; в том числе одна подписана: книге печатного двора.

Две книги латинские, а на них подпись: «181 году Марта в 5 день взяты из Посольского приказу», в том числе одна подписана: «собрание многих вещей», писменная.

Книга ж латинская печатная, ветха.

В четверть:

О единой истинной вере откуда начало приняла, выходу 7104 году.

Часослов выходу 186 году.

Седми соборов Правило, писанное.

Три книги певческих, знаменем.

Книга латинская, а по подписи «книга восточных судов», взята из Посольского приказу.

Книги, которые по указу блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России Самодержца приняты из его Великого Государя комнаты книгохранительницы в его Государеву Мастерскую полату у Петра Бисерова в нынешнем в 191 году апреля в 12 день.

В десять.

Беседы и нравоучение во святых отца нашего Иоанна Златоустого на Благовестие святого апостола и евангелиста Матфея, по обрезу золочена, переплетена в красном сафьяне.

Беседы и нравоучения во святых отца нашего Иоанна Златоустого на Благовестие святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, по обрезу золочена, в красном сафьяне.

Беседы и нравоучение Иоанна ж Златоустого на 14 Послание святого апостола Павла, переплетена в бархоте червчатом, на нем средины и наугольники и застежки серебрены золочены, резные места.

Беседы и нравоучение Иоанна ж Златоустого на Деяния Апостолская, по обрезу, прыском, в белой коже.

Библия острожские печати, в черной коже, с наугольники и срединами медными.

Библия в лицах, в белом паргамине (и 191 года марта в 8-й день сию книгу к Великому Государю).

Библие в лицах, в зеленом паргамине.

Библия в лицах с летописцом (и 191 февраля в 27 день сию Библию Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в хоромы принял околничей Тихон Микитичь Стрешнев).

Библия в лицах, средние руки, в зеленом паргамине (и 191 марта в 19-й день сию книгу к Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу в хоромы принял околничей Тихон Микитич Стрешнев).

Григория Богослова Назианзина, переплетена в коже красной, по обрезу золочен.

Гранограф писмянной, в красной коже, по обрезу зеленою краскою.

Вертоград многоцветный в зеленом паргамине (и 191 ноября в 30 числе взята в хоромы к Великой Государыне Царевне и Великой Княжне Софии Алексеевны).

Венец веры (и 191 ноября в 30 числе сию книгу Великие Государыни Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны в хоромы отнес князь Петр Иванович Прозоровской).

О вере единой восточной и истинной православной и о церкви восточной, в переплете коженом ветхом.

Деяния Апостольские в бархатном переплете червчатом, застежки серебряные по обрезау золотом.

Жития Алексея Человека Божие и Марии Египтянины, в бархате, застежки серебряные резные.

О житии и о чудесах преподобного отца Сергия, в красном сафьяне, по обрезау золотом.

Жезл правления, в красном переплете.

Зерцало великое, в белой коже.

История Казанская, в красной коже, по обрезау золотом.

Во святых отца нашего Кирила архиепискупа Иеросалимского на осмый век, в красном переплете, ветха.

Лекарство Душевное в лицах, в бархате червчатом, по обрезау золотом, застежки серебряные.

О луне и о всех планетах небесных, в белой коже, с прыском, по обрезау золотом (и 191 марта в 19 день сию книгу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в хоромы принял околничой Тихон Микитич Стрешнев).

Матвея Стриковского, в белой книге, по обрезау прыском (и 191 марта в 19 день сию книгу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в хоромы принял околничей Тихон Микитич Стрешнев).

Миняя общая Киевопечерская, в зеленом паргамине.

Миняя общая три месячная, в красном сафьяне.

Миняя общая, в красном сафьяне.

Мечь Духовной, еже есть глагол Божий; в красном сафьяне, по обрезау золотом.

Нифонта Чюдотворца, в черной коже, по обрезау золотом.

Много Собрание о различных вещах, в красном сафьяне.

Две книги Обедов душевных, в белых кожах.

Огородок Пресвятые Богородицы, в красном сафьяне.

Две книги Патерик печерской, в том числе в переплете в красной да в черной коже.

О пушках в лицах, в бархате рудо-желтом.

Повесть о Богдойских татарах и о завладении ими Китайского государства, в красном переплете.

Пролог с Марта по Сентябрь, в красном сафьяне.

Проскитария Троицкого Сергиева монастыря строителя Арсения Суханова, в красной коже.

Собрание отъкуды произыде *корень* Великих Государей Царей и Великих Князей Российских с персонами, в бархатном переплете, средины и наугодники и застежки серебряные золоченые прорезные.

Трубы, киевские печати, в красном сафьяне.

Травник писменной, в красной коже.

Три Требника, московские печати, в красных сафьянах, по обрезу золочено.

Царя Иосафа индейского, в красном сафьяне.

Шестоднев, в красном сафьяне.

Две Псалтыри со воследованием, в красной коже.

Три Псалтыри стихотворных.

Евангелие в червчатом сафьяне.

Евангелие на паргамине, в бархате червчатом, застежки серебряные.

Ратного строю, в красной коже.

Гранограф на латынском языке.

Персонник на латынском языке, в паргамине белом (и 191 марта в 19 день сию книгу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в хоромы принял околничей Тихан Микитич Стрешнев).

Описание града Амстердама в лицах, на латынском языке.

Печатного полатного строю, на латынском языке.

Одиннадцать книг на латынском языке.

Ирмологий писаной на нотах, в черной коже.

Книга печатная, статьи о приводе гетмана Юрья Хмельницкого.

Книга годовый Роспись на 1660 год.

Книга Описание града Рима, латынская.

Книга на латынском языке.

Книга в лицах Бытия и розные вещи, московского письма, ветха.

В полдесть:

Два Акафиста, в паргамине.

Аввы Дорофея.

Лексикон.

Месяя.

Лечебник писмянной.

Евангелие напрестольное, в бархате червчатом, средина в наугольники серебряные резные.

Катихизис русский, в паргамине зеленом.

Псалтырь.

Псалтырь друкарни черниговской.

Глас последний и завет премудрый со благословением Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России Самодержца на царство к сыну своему Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя России Самодержцу.

Брачное Приветство, в отласе алом.

Верши плачевные на смерть блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России Самодержца, переплетена в отласе червчатом.

Летописец Римских царей, в коже рудо-желтой.

Описание градов Московского государства, поль и рек и всяких урочищ, в красной коже.

Небо новое.

О пяти монархиах.

Служебник.

Слово Юрья Сербянина на царское венчание.

Букварь писмянный.

Вопросительная от Великого Государя о здравии окрестных государств государей у послов и у посланников и у гонцов.

Отпустительная с поклоном.

Избрание епископское.

Житие и Чюдеса благоверные княгини Анны Кашинские, в бархата жарком.

Житие и Чюдеса преподобного Отца нашего Антония Римлянина и Антония Великого.

Освящение антимином и исхождение в начало индикта.

О благовейном стоянии в храме Божиим.

О извещении чудес бывшего в царствующем граде Москве о сложении триех перстов.

Чюдеса от образа Пресвятыя Богородицы в Чернигове в Ильинском монастыре; в голубом отласе.

Последование во время страшных молний, в бархате рудо-желтом.

Служба преподобного отца нашего Михаила Малеина.

Каноник писанный, а в нем 4 канона.

Цыфирная.

Нотипеиц ран Христовых, в бархате зеленом, средина и наугольники серебряные прорезные.

Служба Макарию Желтовоцкому.

Две книги латинских, в белых кожах.

Две книги о изложении триех перстов.

Три Букваря.

Описание соборное, писмяное.

Собрание краткой науки.

Поучение святительское к новопоставленному архиерею.

Тетрадь о чудесах Герасима Вологоцкого.

Вертоград Душевный.

Чин архиерейского действия, в десть, по обрезау золотом.

Водосвятная.

...[Пробел]... мученика Галактиона Вологоцкого.

Книга Похвала Царскому Величеству.

Азбука писана уставом.[\[144\]](#)

Летописец киевской, 188 году.

Максима Грека на латинах.

Четыре архиерейского действия.

Иоанна Дамаскина к святому Козме епископу.

В четверть:

Тестамент царя Василия Греческого.

Новый Завет.

Новый Завет Киевопечерской.

Часослов.

Описание соборов и к тому приписание о вере православной.

Два Тестаменты верхние типографии.

Жизнь и Житие Ионы митрополита.

В верхней комнате:

11 книг описание земель. — 22 книги на разных языках.

И 191 марта в 27 сие все вышеписанные книги в десть и в полдесть и в четверть Государыни Благоверные Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны,

в хоромы взял и отнес боярин Иван Михайлович Милославской. (Опись казны 7190 (1682) года)

Скорописная азбука (прописи)

Божиею милостию Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России Самодержцы Московские, Киевские, Владимирские, Новгородские, Цари Казанские, Цари Астраханские, Цари Сибирские, Государи Псковские, Великие Князи Смоленские, Тверские, Болгарские, Рязанские, Ростовские, Ярославские,^[162] Вологоцкие и Белоозерские, Вятские и Великопермские и всех градов Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России Самодержцы и Обладатели.

Аз.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж.	З.
И.	К.	Л.	М.	Н.	О.		
П.	Р.	С.	Т.	У.	Ф.	Ѡ.	Ц.
Ч.	Ш.	Щ.	Ъ.	Ы.	Ь.	Ю.	Я.
Ѳ.	ѳ.	Ѡ.					

(Каждая буква выписана в нескольких образцах; иных числом около 50).

За молитве святых отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас. Аминь.

По милости Божии Великих Святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа Московских и всеа Росии Чудотворцев и молитвенников.

Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя России Самодержцем бьет челом холоп ваш имрк. Милосердые Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержцы. Пожалуйте меня холопа своего великие Государи меня отпустить к Троице в Сергиев монастырь по обещанию помолитца. Великие Государи смилуйтеся.

Удивится всякой мудрости человек, аще Бога на помощь призовет и всякая мудрость откровенна будет.

Государю моему милостивому приятелю имрку милости у тебя Государя просить и рабский имрк челом бьет, как тебя Государя моего Господь Бог милостию своею сохраняет, а про меня Государь изволишь милостию своею вспомануть и я на Москве апреля в 9 день по воли Великого Бога обретаюсь в живых, а впредь его ж Всещедрого Бога воля; да изволь Государь писать ко мне о своем многолетном здоровье, а мне б слышачи о Бозе радоватца. Писавый рабский имрк челом бьет.

Иоанн Златоуст рече: добро человеку пити вода, да не мутит у человека ума.

Что есть человек стоит в воде по горло, просит пити, а напиться не может.
Великого Бога помощью да открываетца разум учащим сию *скоропись*.

Скорописная азбука XVII ст. (прописи), к сожалению не сохранившая своего начала

Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают на беду себе денги копать.

Мыслью бы я молодец всего у себя видел, да денег нет.

На что я молодец на свет родился что по чужим странам волочился.

Один я молодец после отца и матери своей остался млад, а сродичи животы отца моего рознесли.

Покая себе молодец на чуждей стране не обретаю, лапти розбиваю, а добра не обретаю.

Разум меня молодца не осяжет, а живот мой не обрящет.

Страсть, смерть, сердце.

Страмно мне молодцу в пиру збогатыми в пиру седеть, на них платье цветное, а на мне лохонишко в полденежки.

Тверд у меня молодца живот мой да сердце кручинно.

Учется мне молодцу на хлеб глядя не етчи, а никто ме не даст.

Увы мне молодцу безродному что меня свои не видят а чужие не любят.

Ферези у меня молодца были добрые на водяной цвет а на рогожаной тож да лихие люди и то и то с меня сняли.

Христос, Христов, Христианин.

Хотелось мне молодцу с богатыми поводится да мочь моя мала.

Отец мой и мати моя оставили мне дом и имение свое, от сродников зависть от богатых насильство от сосед ненависть, от ябедников продажа от лстивых наговор, хотят меня зног свесть.

Цел бы был дом мой да богатые зглотали, а родственники розграбили.

Честь мне молодцу при отце сродницы воздавали, а все меня из ума выводили, а ныне мне насмешно сродници и друзи насмеялись.

Шатаюсь я молодец на чуждей стране меж двор, а никто меня не призрит.

Щеголял бы да играл да боялся бою и людей ся стыжу.

Ерзнул бы по лавке в старой однарядке, старых бы утешил, молодых россмешил.

Ерычется по брюху с кисельных объедков на хлеб глядя.

Ел [Ђл] бы я молодец свежее мясо лосинное да в зубах вязнет.

Един я молодец скуден.

Ючится мни молодцу на сопостат своих глядя.

Охнул бы у меня мужик, как бы я ево дубиною по спине ожег чтоб впред бы на меня зла не мыслил.

Ял бы я молодец рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет.

Ксимапу ходил ксанем облук просил ксуровску городу ехать хотел по товары; саней не зделал, а коня не купил за денгами роздумал.

Пси на меня молодца не лают постылого кусают и з двора волокут.

Фома поп глуп, тот греха не знает, а людей не спрашивает, на пропой денги с прихоже[?]н берет в карман себе кладет, а о церковном строении не радит и ослабу людем творит, и на том ему попу батку священнику спасибо.

Ижица.

Пояснения редактора издания

[1] Подробнее о таком именно значении приведенного здесь летописного известия можно читать в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачовым. Книжка первая. М., 1850, отд. V, статья «Нестор и Карамзин». Противоположное этому мнению см. в «Истории России с древнейших времен, соч. С. Соловьева, т. 1, [М., 1851], с. 164, прим. 261». «Автору статьи, помещенной в Studien [zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von... Ewers] (перев. в Сборнике Калачова), говорит Соловьев, непременно хочется ограничить меру Владимира одною целью — приготовлением священников; но такое одностороннее толкование будет противно всем известиям летописей, ибо они говорят именно, что митрополит присоветовал эту меру для утверждения веры, не упоминая о приготовлении священнослужителей». Утверждать веру в то время можно было (прежде всего) только посредством наставников веры. В них, в этих наставниках, и была первейшая, самая настоятельная нужда, которая вызвала меру св. Владимира...

Дети не вообще, но дети нарочитой чади, то есть людей лучших по своей жизни, как должно понимать, были отданы в научение книжное. Это обстоятельство прямо и указывает на их будущее назначение: в наставники веры могли быть посвящены только избранные, нарочитые. Кроме того, можно с полною достоверностью заметить, что в это отдаленное время, по новости дела и по совершенному недостатку грамотных, всякий грамотный по необходимости поступал в священнослужители и вообще в церковники.

[2] Точнее время послания Геннадия не определено. Приводимая автором дата заимствована им из «Актов Исторических», т. I, с. 146. — Ред.

[3] Акты Исторические..., т. I. СПб., 1841, № 104.

[4] В печатн. оригинале 1854 г.: «гривна». — Ред.

[5] Любопытные подробности этого обычая сохранены в записках М. С. Щепкина, который имел случай, как видно из тех же записок, проходить курс грамотности по самой древнейшей ее методе. «Учился я весьма легко и быстро (говорить он), ибо едва мне сравнялось шесть лет, как я уже всю премудрость выучил, то есть азбуку, Часослов и Псалтирь: этим обыкновенно тогда и оканчивалось все учение, из которого мы, разумеется... приобретали только способность бегло читать церковные книги. Помню, что при перемене книги, то есть когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз Часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный

платок, и полтину денег, которая, как дань, следуемая за ученье, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка. Я, принеший кашу и совершивший подвиг, то есть выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что я исполнял усердно, при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посредине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав уходить (бежать), а прочие, изловив его, поочередно драли за уши...

По окончании Часослова, когда я принес новый Псалтирь, опять повторилась та же процессия..». (Комета, учено-литературный альманах, изд. Н. Щепкиным, М., 1851, с. 167—169). Заметки эти в высокой степени драгоценны: относясь к Югу России, они вместе с приведенным выше свидетельством XVII века, которое говорит о Севере, о Новгородской области, могут служить самым наглядным доказательством наших последующих слов.

[6] Предисловие Федора Поликарпова к изданию Грамматики Мелетия Смотрицкого, 1721 года, см. *Опыты...*, ч. I, с. 67; экземпляр Грамматики, принадлежавший автору и поступивший в Исторический музей в числе рукописей автора за № 332 — без выходного листа. — Ред.

[7] До сих пор в Осташкове [город Тверской губ.?] учитель грамоте называется дьяком. В житии Мартина Белозерского — № 178 [список, принадлежавший автору и поступивший вместе с другими его рукописями в Исторический музей. — Ред.] — упоминается дьяк мирский Олеш Павлов — дело его книги писати и учити ученики грамотные хитрости. Таким образом, имя дьяка присваивалось вообще грамотею-учителю, который именовался также и мастером, как и женщина-учительница прозывалась мастерицею.

[8] По фамилии Беленинов, см. *Опыты...*, т. I, с. 200. — Ред.

[9] В печатном оригинале 1854 г.: «весьма». — Ред.

[10] В источнике, которым пользовался автор, далее читается: «Зотов же ничто ведяще. По вшествеи же в дом...». — Ред.

[11] В печатном оригинале 1854 г.: «цесаревича». — Ред.

[12] «Записки русских людей», изд. Сахаровым. СПб., 1841; Записки Крекшина, с. 19—20. [Разночтения печатного оригинала 1854 г. приведены выше в примечаниях. — Ред.]

[13] Северный Архив, ч. VI, 1823, № 11, с. 314. [Статья К. Ф. Калайдовича. — Ред.]

[14] На поле оригинала автором добавлено: «по мысли Филарета». — Ред.

[15] Материалы III, 2.

[16] В этом году Печатного двора переплетчик Иван Федоров переплетал царевичу Алексею Михайловичу «Азбуку большая печати золотом прописывана». Расх. кн. Казен. Приказа 7150 года № 974.

[17] В некоторых экземплярах того же изд. Азбуки чит.: «...всегда учися. И дидаскала своего во всем добром наказании блюдиися». — Ред.

[18] Собственно говоря, 108 листов, но один из них первый после предисловия — чистый, с изображением училища на обороте, а на другом — последнем листке напечатано лишь: «Снисканием и труды многогрешного Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников о г(оспод)е». Последний, впрочем, имеется не во всех экземплярах этого издания. — Ред.

[19] Эта молитва помещена перед знаками ударения. — Ред.

[20] Букварь 1679 г. с Стоглавом Геннадия имеется в Московск. Городск. Чертковск. Библиот. (Истор. музей), такой же экземпляр описан П. М. Строевым в «Обстоятельном описании старопечатных книг слав. и росс... в библиот... гр. Ф. А. Толстова», М., 1829, № 159. — Ред.

[21] Не к этому ли месту может относиться ссылка автора на поле оригинала на «И то и сьо. Октябрь. Четырнадцать вторая неделя», где, между прочим, говорится: «Я взрос в том городе, в

котором родился, а родился тут, где и воспитан. Учил меня русской грамоте российской мастер, у которого от утра и до вечера каждой день пропевал я Аз, Буки, Веди и проч.: как будто бы по нотам и кричал с ребятами во весь голос; ибо в нашем городе такое обыкновение, что крик от учеников можно услышать и в другом приходе...» См. из той же статьи в Материалах III, 10. — Ред.

[22] На поле оригинала автором пояснено: «Древне Греческая манера». — Ред.

[23] См. выше, с. 620. — Ред.

[24] Достопамятности Москвы, изд. Тромониным. М., 1845, с. 16.

[25] Записки рус. людей, изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841; Записки Крекшина, с. 22. — Ред.

[26] Тяжелая сторона старинного обучения грамоте, особенно в низших слоях тогдашнего общества, весьма резко обозначена в записках майора Данилова: «Памятно мне мое учение у Брудастого (понамарь-учитель) и поднесь (говорит умный майор), по той может быть причине, что часто меня секли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учился я по моим летам прилежно и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но как нам, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидели на скамейках бессходно, и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такового всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна и все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока в вечеру и половины прочитав не мог, за что последняя резолюция меня как непонятого «сечь». Я мнил тогда, что необходимо при учении терпеть надлежит наказание». Записки артиллерии майора Мих. Вас. Данилова. М., 1842, с. 38 [написаны в 1771 г. — Ред.].

[27] В печатном оригинале 1854 г.: «тая». — Ред.

[28] В печатном оригинале 1854 г.: «тою». Здесь, как и выше, текст исправлен по источнику, которым пользовался автор. — Ред.

[29] В Материалах III, 10 другие стихи о розге.

[30] Сюда следует отнести замечание автора на поле оригинала: «Когда наши деды были детьми, педагогическая теория предписывала вбирать азбуку в голову детей при помощи плети. Как орудия воспитания, розга и азбука спорили о первенстве. — Из Америки. Матиль. Соверм. Летоп. Рус. Вестн., 1861, № 8 [с. 9]. Розга отвечала общей розге, существовавшей всюду». — Ред.

[31] См. выше, с. 591. — Ред.

[32] См. Е. Ф. Шмурло. Критические заметки по истории Петра Великого, XIII. Журн. Мин. Нар. Просв., 1902, апр., с. 425. — Ред.

[33] Так в оригинале, но, вероятно, должен быть № 974; ср. выше, с. 624, прим. 3 и А. Е. Викторов. Описание... Вып. I, М., 1877, с. 132 — № 297 (974). Расходная книга..., на жалованье..., 7150 г. — Ред.

[34] См. выше, с. 596. — Ред.

[35] См. Материалы III, 3. — Ред.

[36] На поле оригинала, хотя и без приурочения к определенному месту, автор отмечает: «Иоанн Богослов, Наум, Козма, Дамьян. Чтен. 1861. IV. Мордовцев». См. Даниил Мордовцев. «О русских школьных книгах XVII века», Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., 1861, кн. IV, с. 23—24, 37: «Святые, покровительствующие книжному научению, считались у нас Косма и Дамиан, Пророк Наум и тот Святой, в честь которого дано имя учащемуся при крещении. Относительно двух первых покровителей учения у нас достоверно до сих пор не было известно; по крайней мере г. Лавровский, в рассуждении своем «О древне-русских училищах» говорит, что письменного свидетельства о призывании учащимися этих святых он не находит нигде, а по аналогии с греческими школьными обычаями заключает, что, вероятно, и у нас почитались эти святые, как патроны учащихся. Предположение г. Лавровского оправдывается нашими Азбуковниками [в ркп., предоставленной Д. Л. Мордовцеву еп. Саратовским Афанасием. — Ред.], в которых прямо сказано, что «есть обычай многим (учащимся) совершати любезная святым Бессребренникам

Косме и Дамиану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его же святого тезоименитство имать». Относительно Пророка Наума наш Азбуковник открывает новый факт, именно то, что и в древней России учащиеся призывали на помощь этого Святого, как покровителя наук, чем и объясняется существующее даже до сих пор обыкновение у нашего простонародия и в средних сословиях перед началом учения молиться Пророку Науму, так же как об успешном учении молятся Иоанну Богослову (в Азбуковниках о нем же упомянуто, как о покровителе собственно письма); в Семинариях же в день сего Святого все богословы от учения свободны...»; «патронами каллиграфии», или как в Азбуковнике сказано, руководства, были Иоанн Богослов и Пророк Наум: первый из них, как видно, признавался патроном письма, на основании предания, а последний уже и потому, что был главным покровителем всех учащихся. В прописях к этим двум лицам относятся так:

Святой Апостоле и Евангелисте Иоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегий на перси Христове,
Вразуми мя и научи добре писати,
Яко же оного Гусаря на песце образ твой изображати.
Святой Пророче Божий, Науме, вразуми мя и накажи своєю
Милостию и благодатию, добре руководствию навикати». — Ред.

[37] Так в оригинале. — Ред.

[38] Об учительницах царевен см. Домашний быт русских цариц, изд. 3, с. 397, где, между прочим, последняя учительница названа: «Федора Петрова». — Ред.

[39] Так в оригинале. — Ред.

[40] Об этой прописи-загадке сохранил воспоминание один из писателей конца XVIII ст. (1796 г.).

Он рассказывает следующее: «За 20 лет пред сим я играл в мячи, прыгал, бегал, лазил по деревьям, спускал змеи, гонял кубарь и любил по вечерам слушать сказки. И не знал сам, кто я? Когда я выучил Киевской букварь и Псалтырь от доски до доски, то начал писать: Стоит человек в воде по горло, просит пить и напиться не может; и скоро после того я очутился, не помню как, в славном училище. Тогда думал, что я ученик. Я начал читать книги, и первая книга, которая попала мне после Псалтыри, была Кандид или Оптимист. Г. Волтер причиною тому, что я совсем вопреки намерению сей его книги думаю по сие время, что все на свете к лучшему. После Оптимиста, помнится мне, читал я Российской летописец, Синопсис называемой. От сей книги я полюбил В. К. Дмитрия Ивановича Донского, которой освободил Россию от татар. Мне досадно было, что об нем ничего не находил я в других книгах, и что никто не говорил мне, что он славной государь... и пр.» (Приятное и полезное препровождение времени, часть 11. М., 1796, с. 212).

[41] Так в оригинале, но, м. б., запятую следует поставить не здесь, а перед словом «глупые». — Ред.

[42] См. также статью Н. В. Калачова «Азбуки-прописи (Выписки из рукописных азбук и прописей конца XVII-го и начала XVIII века)» — Архив истор. юрид. свед..., изд. Н. Калачовым, кн. 3. СПб., 1861. Отд. III, с. 3—18. На эту статью есть ссылка автора на поле оригинала. Ср. также прописи 1620 г., найденные Юрием Толстым в Ашмолевом Музее в Оксфорде — Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., 1864, кн. 2, Смесь, с. 7—11 — «Русские прописи 1620 года». Позже эти прописи описаны Н. С. Лесковым в статье: «Прописи попа Тихона. (Литературный памятник XVI века)». Рус. Мысль, 1890, февр., с. 148—153. К этим прописям относится ссылка автора: «Еще Чтен. 1864. № 3 [sic]». Известна также «Азбука или прописи для чистописания в конце XVII века». — Временник Импер. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 20. М., 1854. Смесь, с. 30—32. — Ред.

[43] См. Материалы III, 9.

[44] Это — заглавие гравированного издания 1694 г.; заглавие же Букваря в рукописях — короче: «Букварь славенороссийских писмен, со образованми вещей, и со нравоучительными стихами». — Ред.

- [45] Впрочем, во всех известных списках Букваря год от Рождества Христова показан иной: 1692. — Ред.
- [46] Вероятно, один из первых списков Букваря — список с посвящением царице Наталии Кирилловне в собрании графов Уваровых № 73 (ср. Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова..., ч. IV. М., 1894, с. 499—500, № 2098); с другими рисунками — список Букваря, хранящийся в Московской Оружейной Палате (Прих. Кн. Оруж. пал., 9463) № 9 (449), в последнем списке под заглавием написано: «второе сие написася 7201 лета, м(е)с(я)ца марта 7». — Ред.
- [47] Рукописи славянские и российские, принадл... И. Н. Царскому. Разобраны и описаны П. Строевым. М., 1848, № 24.
- [48] См. Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова... ч. IV, М., 1894, с. 498—499. № 2097. (92). (24). — Ред.
- [49] Гравированный Букварь Кариона Истомина описан в труде Д. А. Ровинского: «Русские народные картинки», кн. II. СПб., 1881, с. 483—503; ср. кн. IV, с. 514 и сл. См. также о рукописных и гравирован. экземплярах Букваря в исследовании С. Н. Браиловского «Один из пестрых XVII-го столетия». СПб., 1902 (Зап. Импер. Акад. Наук по истор.-фил. отд., т. V, № 5), с. 283—289. — Ред.
- [50] По-видимому, эта именно азбука издана Обществом Любителей Древней Письменности под заглавием: «Буквица языка Словенского. Рукописный свиток Императорской Публичной Библиотеки». XIV. СПб., 1877. На поле оригинала автором замечено: «Издана ли в Древней Письмен.». — Ред.
- [51] Рукописи Царского, №№ 321, 365. [См. Рукописи слав. и рос., принадл. И. Н. Царскому. Разобр. и опис. П. Строевым. М., 1848, с. 321 и 363. — Ред.]
- [52] Опись казны царевича 7150 года. [Арх. Оруж. пал. № 680; ср. А. Е. Викторов. Описание..., с. 198, № 585. — Ред.]
- [53] Материалы III, 6. [Об обучении царевича пению см. также выше, с. 594, где говорится о награждении трех дьяков за учение пению. — Ред.]
- [54] В настоящее время нотные рукописи хранятся не в Оруж. Палате, а в Московск. Отделении Общего Архива Мин. Импер. Двора, куда поступил Архив Оруж. пал.; ср. А. Е. Викторов. Описание..., вып. I, с. 218. — Ред.
- [55] Можно думать, что автор предполагал указать и другие подробности обучения церковному пению; на поле оригинала им помечено: «Обстановка учения налои и пр.». — Ред.
- [56] Есипов. Сборник..., т. I, с. 5. [См. выше, с. 580. — Ред.]
- [57] См. выше, с. 589 и 616. — Ред.
- [58] Так в оригинале, но выше, с. 589 и 615, эта покупка показана под 27 февраля. — Ред.
- [59] См. выше, с. 589, 608. — Ред.
- [60] См. выше, с. 580, 589—590, 591, 609. — Ред.
- [61] См. выше, с. 581, 592. — Ред.
- [62] Учения составляли, без сомнения, особые коллекции картинок по одному какому-либо предмету, расположенные в отдельных комнатах.
- [63] Записки русских людей, изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841. Записки Крекшина, с. 21. — Ред.
- [64] Истор. и статист. сборник, М., 1845. Статья Снегирева «О лубочных картинках русского народа», с. 193. [См. «Лубочные картинки русского народа в московском мире». Сочин. Ив. Снегирева, М., 1861, с. 9—10. — Ред.]
- [65] Так в оригинале и в соч. И. М. Снегирева «Лубочн. картинки...». М., 1861, где на стр. 9 отмечена покупка потешных листов под 8 марта 1637 г., но у автора, ниже в Материалах (III, 7), по-видимому та же покупка помечена 29 ноября 7145 г. (=1636 г.), также и выше, с. 611. — Ред.

- [66] Материалы III, 7.
- [67] Царственный Летописец, предисловие.
- [68] См. в книге А. И. Успенского: «Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь». М., 1910, с. 200. — Ред.
- [69] См. В. Н. Щепкин. Лицевой сборник Импер. Росс. Истор. Музея. I — II, Известия Отдел. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наук, т. IV, кн. 4, с. 1345—1385. — Ред.
- [70] Список Лекарства Душевного хранится в Оружейной Палате, см. Описание Моск. Оруж. пал., ч. 7. М., 1893, с. 14, № 9312. — Ред.
- [71] На отдельном листке, вложенном в оригинал, автором добавлено: «185 г. дек. 15 (1676 г.) иконописец Тимофей Рязанец расцвечивал шафраном книгу о сотворении света в хоромы царевне Ирине Мих. (№ 234)». [См. в книге А. И. Успенского: «Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь», с. 226; иконописец назван «Резанец Тимофей Степанов». — Ред.]
- «186 г. (№ 237) март. Кормовой иконописец Филипп Павлов расцвечивал 38 мест в Царственной книге и писал в лицах к В. Государю в хоромы». — Ред.
- [72] О книге «Едеи сиесть сладость», текст которой составлен Карионом Истоминым, см. в исследов. С. Н. Браиловского: «Один из пестрых XVII-го столетия». СПб., 1902, с. 273—276 и 418—422. — Ред.
- [73] Под словом потешный в этом случае не должно разуметь того только, что забавляло, увеселяло. Этим именем обозначали нередко и те предметы, которые не принадлежали к главному, то есть к церковному направлению древнего образования и попросту служили светским, мирским целям.
- [74] Так в оригинале, но, как ниже указывается, книга была изготовлена лишь в следующем 1665 году. — Ред.
- [75] Карандашом автор на поле поправил: «Симон Ушаков», ср. ниже, с. 649. — Ред.
- [76] Выше, на с. 598, под 8 декабря 1664 г., эта же книга названа «большой потешной». — Ред.
- [77] См. выше, с. 590 и прим. 1. — Ред.
- [78] В книге А. И. Успенского: «Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь», с. 274, упомянуто, что Ф. Т. был у письма потешных книг в декабре 1665 г. — Ред.
- [79] См. выше, с. 590 и прим. 2. — Ред.
- [80] См. выше, с. 601. Ср. Словарь А. И. Успенского, с. 17. — Ред.
- [81] См. выше, с. 604. В Словаре А. И. Успенского, с. 284, месяц работы не указан, а книга Арх. Оруж. пал. значится за № 957. — Ред.
- [82] Выше говорится о двух потешных книжках царевны, с. 590, 616 и 640. — Ред.
- [83] О работах Тимофея Резанца см. в Словаре А. И. Успенского, с. 226. — Ред.
- [84] Ниже, в главе IV, год обозначен — 1679, тот же год и в Сборнике Есипова, т. I, с. 21, где, между прочим, указано, что лист этот принял в хоромы к царевичу боярин Родион Матвеевич Стрешнев. — Ред.
- [85] «Записки и Труды Общ. Ист. и Др. Росс.». Части. I. М., 1815, с. CXI—CXII. [Сообщается о списке этой книги, принесенном в дар Обществу в 1811 г. И. В. Лопухиным. Можно думать, что эта рукопись погибла в московский пожар 1812 г. вместе с Библиотекой Общества; ср. сочин. П. М. Строева: «Библиотека Импер. Общ. Ист. и Др. Росс.», М., 1845, с. III. О «Граде царства небесного», составл. Карионом Истоминым, см. в книге С. Н. Браиловского: «Один из пестрых XVII-го столетия». СПб., 1902 (Зап. Импер. Ак. Наук по истор.-филол. отдел., т. V. № 5, с. 312—316 и 464—465). — Ред.]
- [86] В оригинале автором добавлено: «Узнаем только, что еще в 16 .. году Стрешнев...» Ср. Дом. быт русских цариц, изд. 3, с. 763 (1679 и 1682 гг.) и выше, с. 650, прим. 5. — Ред.

- [87] Против этих слов на поле автором замечено: «Стрешнев». — Ред.
- [88] Мудрость, или описание семи свободных художеств, кая что в себе содержит. Из Еллинского диалекта исследованны на славенский язык чрез Николая Спофария, лета Господня 1673. — Книга избранная вкратце о девяти мусах и о семи свободных художествах. — Обстоятельное описание... рукописей... гр. Ф. А. Толстова. Издали К. Калайдовичь и П. Строев. Отд. II, №№ 118 и 223.
- [89] Список этой статьи известен, между прочим, в ркп. Москов. Синод. Библ. № 527, см. труд акад. А. И. Соболевского. Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вв... СПб., 1903, с. 169—170; имеется список статьи и в принадлежавшем автору собрании рукописей — ркп. № 259 (в настоящее время, как и все рукописное собрание автора, составляет собственность Исторического музея); важнейшие разночтения обоих списков приводятся ниже в примечаниях. — Ред.
- [90] В Синод. сп. — «едино». — Ред.
- [91] В Синод. сп. — «различная учения». — Ред.
- [92] В Синод. сп. далее чит.: «и ум просвещает, подобно и солнце свет есть». — Ред.
- [93] В Синод. сп. — «гуселница», в списке, принадл. автору, — «гусеница». — Ред.
- [94] Так и в списке, принадл. автору; в Синод. сп. — «Полимния». — Ред.
- [95] В Синод. сп. и в списке, принадл. автору, добавлено: «речения». — Ред.
- [96] В Синод. сп. — «б̃лгоглати». — Ред.
- [97] В Синод. сп. — «изобретена». — Ред.
- [98] В Синод, сп. и в списке, принадл. автору, — «Диалектики». — Ред.
- [99] В Синод. сп. — «сведение б̃лгопети». — Ред.
- [100] В Синод. сп. — «согласие». — Ред.
- [101] В Синод, сп. — «началства». — Ред.
- [102] В списке, принадл. автору, — «астрология учения». — Ред.
- [103] Журн. Мин. Нар. Просв. 1839. Июль, с. 10 [пер. И. Тарнава—Боричевского]. Ср. это же место в переводе А. И. Станкевича (М., 1906, с. 85): «Науками, общеобразовательными, они даже самым поверхностным образом не занимаются, кроме всеобщего краткого политического обозрения, ибо наставники их обучают исключительно только одному умению читать, писать и считать, и знакомят их с состоянием собственной страны и других соседних держав, чего де должно им ожидать и чего опасаться.
- Главное внимание в этих занятиях обращается на то, чтобы дети точнее изучали язык и нравы разнообразных своих подданных, привыкали неуклонно следовать старинным обычаям и ревностно оберегать веру, причем все это для них безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это, в высшей степени простое и приуроченное к жизни, воспитание, западая в благородную душу и гибкий ум, доводит до столь же высокой степени доблести, как изучение всех философских систем и усвоение мудрости самых выдающихся ученых». В экземпляре, принадлежавшем автору, данное место отчеркнуто, вероятно, для использования в настоящем издании. — Ред.]
- [104] См. выше, с. 622. Слова Котошихина приведены не дословно, ср. 4 изд. сочинения Котошихина, с. 17. — Ред.
- [105] На листке, вложенном в оригинал, автором замечено: «Царевич Алексей Алексеевич умер... в 1670 году 17 генваря. Смерть его была неожиданным и печальнейшим событием не для одного только царя-отца, но без сомнения и для всех друзей просвещения, как оно тогда понималось, для друзей нового движения в тогдашнем образовании, которые могли ожидать в нем будущей опоры и поддержки своим разумным стремлениям». — Ред.

[106] См. Опыты..., ч. I, с. 201, где указывается, что царевич расстроил «даже свое здоровье от прилежного ученья, так что самая смерть его, как думали лекаря, последовала от сидячей жизни». — Ред.

[107] Древ. Росс. Вивл., изд. 2, ч. XVIII, с. 410.

[108] Отсюда до слов: «В числе книг...» на с. 656 добавлено из Опытов..., ч. I, с. 198—200. В соответствующем месте оригинала есть заметка автора: «Его учитель Симеон Полоцкий». — Ред.

[109] В 1664 г., см. Опыты..., ч. I, с. 198. — Ред.

[110] См. Опыты..., ч. I, с. 201: «Может быть Полоцкий поступил в учителя к царевичу Федору по смерти царевича Алексея, в 1670 году, когда Федору исполнилось 9 лет — возраст, с которого грамматичное обучение началось и для царевича Алексея». — Ред.

[111] Записка дневанью 176 года, в Государственном Архиве М. И. Д. [См. издан. С. А. Белокуровым «Дневальные записки приказа Тайных дел 7165—7183 гг., с. 253 (Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., 1908, кн. 2). — Ред.]

[112] Материалы III, 4.

[113] Материалы III, 2.

[114] Так в печатном оригинале 1854 г. — Ред.